

Роскошным
стервам
большого
города

АРИНА

Холкина

Хроники
амбициозной
брюнетки

Арина Холина

Хроники амбициозной брюнетки

«ЭКСМО»

2008

Холина А. И.

Хроники амбициозной брюнетки / А. И. Холина — «Эксмо»,
2008

Может женщина иметь все? Карьеру, личную жизнь, популярность? Журналы говорят: «Да!», но верим ли мы им? Мужчины отвечают: «Нет!», и мы на них обижаемся. Непростой выбор – кем быть в этом новом мире: милашкой, жертвой, принцессой, жаждущей спасения, или уверенной в себе стервой? Дарья Аксенова, известная писательница, скандалистка и эгоистка, и Оксана, ее помощница – милая интеллигентная девушка, пытаются решить этот вопрос, влюбившись в одного мужчину. У каждой свои мотивы: для одной он – летний роман, для другой – мужчина мечты. Выбор за ним? Только не это!

© Холина А. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Арина Холина

Хроники амбициозной брюнетки

Глава 1

– Это что, ловушка?! Почему, мать твою, эта адская машина стоит под дверью?! Есть разумное объяснение, или это небольшой экспромт с целью меня угробить?

«Адская машина» – сервировочный столик – получила хорошего пинка, но не разлетелась, как задумывалось, на части, а всего лишь докатилась до стены и обиженно звякнула чашками.

Даша осталась недовольна картиной бесчеловечной мести столику, схватила пачку салфеток и швырнула во врага. Поверженный стакан шмякнулся об пол и развалился на несколько частей.

– Ты могла бы не колотить ложкой о чашку с таким остервенением? – продолжала Даша. – Голова же раскалывается!

Скорчив гримасу, открыла холодильник, достала мокрое заledenевшее полотенце и приложила ко лбу.

Оксана привыкла. Вся эта истерика ровно ничего не значила. Но Дашин вид: роскошное японское кимоно, черное, расшитое розовыми цветами, тапочки на каблуках, кольцо с огромным цитрином на пальце (зачем оно ей? Она ведь только проснулась), всклокоченные волосы и эта мокрая тряпка на голове – отчего-то раздражал. Отчего? Ответ был. Не самый простой и даже несколько унижительный.

Развалившись на диване – белом, в красную полоску – Даша произнесла устало:

– Чаю мне сделаешь? Не в службу, а в дружбу.

Припадок бешенства прошел, сил у нее, видимо, не осталось.

– Доброе утро, – сказала Оксана и поставила чайник.

– Это у тебя оно доброе, а у меня просто кошмар, – сообщила Даша. – У нас есть какая-нибудь хрень от головы?

– От головной боли, – поправила Оксана.

– Это не боль, это божье наказание, – простонала Даша.

Оксана заварила чай с мятой в прозрачном чайнике, выжала лимон, размешала много-много ложек сахара, разбавила холодным «Эвианом» (подавив странное желание залить напиток водой из-под крана) и подала на стол вместе с высокой стеклянной кружкой и цитрамоном.

Дарья Аксенова, великая писательница. Франсуаза, блин, Саган.

В двадцать три года опубликовала первую книгу – триллер о побеге из дурдома. Краткое содержание: дочь политика, которого только что со скандалом сняли с должности, устроила дебош в ночном клубе, бросилась с ножом (ну и что, что со столовым?) на сына папашиного оппонента, в честь чего ее и отправили в Кашенко. Она ничего не помнит. И понимает – здесь она не просто так, это ловушка. Уже в дурдоме она узнает – родители разбились на машине. Фондами управляет «друг семьи», который, вместо того чтобы выволить ее на свободу, советует «отлежаться». И так далее. И в том же духе. Триллер увлекательный, да. Есть еще младшая сестра, жизни которой угрожает опасность.

Ну не сходятся иногда концы с концами, развязка местами предсказуемая, любовная линия чересчур сентиментальная – такой вполне можно разжалобить аудиторию шоу «Поле чудес», – а так все прекрасно. Невиданный успех.

Теперь издается по три книги в год тиражом двести пятьдесят тысяч экземпляров. Неплохо для тридцати лет, ага?

Триста тысяч в год, не считая сценариев, – от шестидесяти тысяч за полный метр до десяти тысяч за серию сериала. Ну и по мелочи – торжества и церемонии (от пятерки), эссе в журналы (долларов пятьсот за полосу) и реклама. В прошлом месяце ювелирный дом отвалил Даше двести тысяч. Скоро ее лицо появится во всех глянцевах журналах.

Оксана фыркнула.

– Что?! – Даша не оставила это без внимания.

Да ничего!

В общем, она неплохая. Сочиняет, правда, полную чушь. Иногда не совсем чушь, но время от времени выдает такое, что компьютер зависает и дымится. От стыда.

– Слушай... – Даша отодрала ото лба полотенце и швырнула его на пол. – У меня там... мальчик.

– Что? – насторожилась Оксана.

Даша зачем-то перешла на драматический шепот:

– У меня. Там. Мальчик. В спальне. – Она сделала большие глаза.

– А что он там делает? – слегка понизив голос, поинтересовалась Оксана.

– Спит.

– И что? Ты хочешь, чтобы я его разбудила и выставила на улицу? – Оксана побледнела от злости.

– Хорошая мысль, – усмехнулась Даша, заметив ее негодование. – Но мой ответ «нет». Ты пока к этому не готова. Шутка! Просто я хотела, чтобы ты знала. Если он вдруг появится где-нибудь в трусах или без них.

– Может, натянуть на него штаны? – предложила Оксана. – Пока он спит.

– Ха-ха! – развеселилась писательница. – Они слишком узкие! Мы его разбудим.

– А кто он?

– Да!.. – отмахнулась Даша. – Просто мужчина.

Боже. Зачем она, Оксана, в это ввязалась?

Оксана уже две недели работала личной помощницей Дарьи Аксеновой и никак не могла привыкнуть к ритму жизни хозяйки. Потому как ритма никакого не было. Был сплошной бедлам.

Но если тебе двадцать семь, ты окончила журфак, у тебя квартира на Никитской, и все-таки твоего телефона нет в трубке у Яны Лепковой, главного редактора «ОК!», значит, в этом городе ты – никто. Огромный жирный ноль. Пустота. Дырка от бублика.

Нервная, закомплексованная дырка... от бублика, которая все никак не может найти свое место в жизни.

Пустота, живущая с мыслью, что ее родители – кульминация эволюционного развития семейства Меламед, а ты, пустота – путь назад, в мир животных и прочих инфузорий.

Не-не-не. Все не так ужасно. Просто кризис четверти жизни, если, конечно, такой существует.

Это нормально. Сейчас у всех кризис. Каждый год.

– Что за мужчина? – настаивала Оксана.

Даша покачала головой.

– Не знаю, – ответила она. – Ты же понимаешь, это не в моем стиле.

Ну да.

Любимый вопрос автору: все эти мужчины в ваших книгах – личный опыт? Ответ: такого опыта не бывает даже у самых востребованных порно-звезд.

У Даши не было мужчин на одну ночь. Даже ради того, чтобы через неделю расстаться, она месяц принимала ухаживания, присматривалась, изучала объект и, только преодолев ей одной очевидную границу недоверия, приглашала мужчину в постель. Все это Оксана узнала на собеседовании, которое заняло часов пять.

Ее Даша тоже изучала. На совместимость.

Но при этом Аксенова не верила в компромиссы. Не желала уступать. Людям рядом с ней было неудобно, потому что она никому не шла навстречу. Мужчины появлялись и уходили. Личные помощники – тоже.

Наверное, Дарья была самой настоящей стервой.

Но Оксана знала – сейчас ей это нужно. Нужна эта работа. И не только из-за денег.

– А что, если он сюда придет? – прошипела Даша.

– И что? – расхохоталась Оксана. – Скажешь ему «привет».

Даша тяжело вздохнула.

– Мы только вчера познакомились. И я не помню, как его зовут.

– Не может быть! – воскликнула Оксана.

Даша развела руками.

– Как тебя угораздило?

– Алкоголь растормаживает низменные инстинкты, – пояснила писательница. – Слушай! Я пойду в ванную, а ты сиди здесь и жди, когда он появится. Познакомься, предложи ему кофе, а потом позвони мне, ладно? Я возьму телефон.

– Ладно, – произнесла Оксана, когда за ней закрылась дверь.

Не было в Даше природного обаяния. Ей не хотелось угодить, сделать так, чтобы она была счастлива. Но Аксенова определенно была властной. И щедрой. Она могла истязать тебя неделю, доводить до слез, упрекать, обвинять в тупости и разгильдяйстве, а потом дарила дорогую пудру от «Герлен» и приглашала в ресторан, где ухаживала за тобой как за лучшей подругой.

– Я клоун, Оксана! – заявила Даша, когда они сидели за аперитивом в пиццерии «Миа Пьяччи». – Во мне нет такого, знаешь... Ну как сказать? Вот ты молчишь, а когда заходит речь о том, что тебе интересно, ты открываешь рот, и все тебя слушают. Кажется, что ты никому ничего не хочешь доказать, ты не интересуешься чужим мнением, поэтому всем хочется тебе понравиться. Как это у тебя получается?

Оксана улыбнулась и пожала плечами.

Даша ничего не держала в себе. Она могла накричать, но могла и похвалить – искренне, от души.

– А я как цирк-шапито! – усмехнулась Даша. – Мне хочется произвести впечатление на всех и сразу.

– Ну пока тебе это удастся, – сухо заметила Оксана.

Она не умела вот так откровенно признавать чужие достоинства и, уж конечно, не смогла бы ляпнуть нечто вроде: «Если ты не можешь договориться об интервью в „Космо“, за что я тебе плачу?!»

Оксана поставила чайник, прикурила сигарету и перелистнула страницы «ОК!».

Тут открылась дверь, и вошел незнакомец.

Оксана судорожно захлопнула журнал (она не готова была признать, что почитывает все эти глупости, светскую хронику и сплетни о знаменитостях), журнал соскользнул на пол, она подняла его, положила на стул и только после этого посмотрела незнакомцу в глаза.

Да-а... Ясно, почему Даша изменила своим принципам.

Джинсы действительно были узкие. О боже... Это не сон? Разве такие мужчины встречаются в обычной жизни? Это не «Фотошоп»?

Потрясающая фигура. Его обнаженный торс... ах!.. его правую руку от плеча до кисти украшает татуировка. На левой – рисунок от запястья до локтя.

– Я потерял майку, – улыбнулся он, и Оксана почувствовала боль от этой улыбки, как от разрывной пули. Он сразил ее наповал.

Ямочки на каждой щеке, белые зубы с выдающимися клыками, губы, которые хочется поцеловать, и сине-зеленые глаза... О-о...

Это бессовестно, нечестно быть таким красивым!

– Оксана, – проблеяла она.

– Захар.

– Захар?

– Ну да.

– Редкое имя.

– Мне повезло, – хмыкнул он.

– Ну да... Захар, хотите чаю? – спохватилась Оксана.

– А можно сока или просто воды? – поморщился он.

– Конечно! – засуетилась Оксана.

О боже, боже!.. Она же не ведет себя как идиотка? Ведет! Точно! И бороться с этим бессмысленно! Как еще можно вести себя с воплощением всех твоих грез и надежд?

И тут вернулась Даша.

– Привет, Захар! – бросила она и покрепче замотала голову полотенцем. – Как состояние?

– Не спрашивай, – он покачал головой. – Я одной ногой в могиле.

– Кса-ан... – Даша позвала помощницу. – Вы познакомились?

– Да, – кивнула Оксана, побледнев.

Она физически ощущала, как кровь отливает от лица.

– Хо-ро-шо... – по слогам произнесла Даша. – Захар, пойдем в сад, что ли?

И они ушли. Оставив Оксану сражаться с призраками.

Дашу осенило в ванной. Она вспомнила его имя.

А заодно восстановила ход мыслей, предшествующих сексу против правил – с первым встречным.

Дело, собственно, было не в том, что Даша за каждого встречного собиралась замуж или истово верила в Господа и смертный грех.

Просто у нее была своя теория.

Теория предвкушений, из которой следовало, что в жизни не имеет смысла ни слишком подолгу сомневаться, взвешивая все за и против, ни седлать волну чувственного порыва. В первом случае можно упустить свой шанс, во втором – ни за что лишиться себя прелести ожидания.

Ведь перед каникулами, например, приятное томление щекочет нервы – сегодня ты лишь мечтаешь, завтра покупаешь билет, неделю слоняешься по магазинам, прицениваясь к тому, как будешь выглядеть на пляже в хипповом парео, сбор вещей – неповторимый момент, когда ты телом здесь, а душой – уже там, и, наконец, особый вкус обретают последний утренний кофе, дорога в аэропорт, беспощинный магазин... – все это так важно, что и представить невозможно, как без этого обойтись, если есть хоть шанс в секунду перенестись в другую реальность. Мир стал бы слишком функциональным, в нем не осталось бы места для грез.

А если бы в жизни не осталось места мечте, никто бы не читал книги, и она, Даша, разорилась бы и пошла работать на стройку.

Захара она с утра хорошенько разглядела – спящего – и не пожалела о том, что повисла на нем вчера как обезьяна.

Невероятно красивый мужчина.

Даше нравились эти игры разума: и чувствовать, и понимать, и анализировать свои ощущения, не лишая себя удовольствия и не теряя рассудок.

Это как с чтением.

Многие ее друзья – музыканты, актеры – жаловались, будто слышат музыку не как все смертные, а замечают лишь количество аккордов и децибелов; видят не кино, а только монтаж, количество эпизодов и прочие технические примочки, но все это была сладкая ложь, самоупо-

ение, скрытое бахвальство: вот какой я фанат своего дела, профи, мне доступно то, что непонятно вам.

И Даша читала книги не просто так: подмечала грамотную композицию, обороты речи, но все это лишь добавляло остроты, а не разрушало картину, ей нравилось одновременно быть и участником событий, и сторонним наблюдателем.

В саду они целовались. Он был сладкий и терпкий, как хороший кофе, она согревалась в его руках – хотелось секса и в то же время не хотелось, как в юности, когда душевный жар возбуждает больше, чем физическая близость.

Влюбиться она не готова. Но он милый.

– Захар, а ты работаешь? – спросила она, хоть спрашивать не собиралась.

Видимо, она все же решила прощупать его на предмет постоянных встреч. Ну и ладно.

– Нет, подбираюсь, – усмехнулся он.

– Ну! – она шлепнула его по лбу.

– Я юрист.

– Юрист?! – удивилась она. – Это же прямо-таки противозаконно – быть таким красивым юристом!

– Быть юристом – это скучно, – признался Захар. – Но я оценил твой комплимент. Хочешь лимонаду?

– Ой! Мы его на кухне забыли! – огорчилась Даша.

– Я принесу, – он поднялся и пошел к дому.

Какая походочка... Р-рр!..

Может, все, что нужно женщине, – красивый молодой мужчина, а не всякие там интеллектуалы с отрицательным обаянием, которых любишь не за кубики на прессе, а за умные глаза?

Оксана все еще сидела на кухне. Выясняла отношения с «Космо».

– Ладно, я все поняла, перезвоню, – она резко оборвала разговор. – Тебе помочь? – обратилась она к Захару.

– Можно взять лимонад?

– Конечно!

Оксана рванула к холодильнику и на секунду их руки соприкоснулись. Вот он, электрошок! Разряд отбросил ее на метр.

Захар с удивлением взглянул на нее.

– Все в порядке?

– Н-да... кхе... – закашлялась Оксана. – Просто током ударило, знаешь, так бывает...

– Это статическое электричество. Не страшно.

Он открыл холодильник и достал графин с напитком.

Еще как страшно, мальчик! В особенности в контексте размышлений, удастся ли ей снять Захара мобильным телефоном, чтобы впоследствии целовать его фотографию...

Когда Захар вернулся, Даша дремала. Он просунул руку ей под голову, прижал к себе, поцеловал в макушку и заснул, вдыхая запах ее волос, от которых веяло медом, духами, но по большей части – сигаретами и ночным клубом.

Глава 2

– Просто объясни мне, что я здесь делаю? – шипела Даша, надвигаясь на Оксану.

«Уволюсь!» – думала та.

Она ведь ни при чем!

– Я не виновата, что программа задерживается, – произнесла она с трусливой хрипотцой в голосе.

– Не виновата, – согласилась Даша. – Но когда мы сидели в «Жан-Жак» и я спросила, не хочешь ли ты уточнить чего у редактора, ты мне сообщила, что все уточнила, запись идет по плану, а мне нужно бросить на полпути чудесный суп и тащить свою задницу в эту обитель зла и ждать эту дуру!

В «обители зла» («Останкино») «эта дура» (ведущая шоу) ругалась с начальством – нормальная история, благодаря чему съемки все откладывались и откладывались, и ни дна не было видно, ни берегов, и в студии уже стало жарко, как в солярии, зрители выжимали рубашки, участники метались по гримерке, а Дарья Аксенова в туалете распекала свою помощницу, у которой фраза «Я увольняюсь!», как икринка, перекатывалась на языке и готова была вот-вот лопнуть.

– Оксана, я не хочу срывать на тебе зло, но больше не на ком, – объяснила Даша, закулив сигарету. – Я бы с радостью убила эту, как ее... – Даша не без труда вспомнила имя ведущей. – Но я не могу ее найти. Так что, прости, дорогая, сегодня ты – козел отпущения. И самое страшное состоит в том, что у меня есть этот никчемный придаток – совесть, и я не могу просто так подставить редактора по гостям – взять и уйти. Но запомни – сегодня во всем виновата ты.

Она тяжело выдохнула.

– Сколько нам еще здесь торчать? Реально?

– Надеюсь, не больше часа, – Оксана пожалала плечами.

– ...здец! – выразилась Даша и потеряла виски.

У нее зазвонил телефон, она вздрогнула и рявкнула в трубку:

– Алло! Кто? Захар? О, привет... Ничего не делаю, стою в туалете, пытаюсь никого не убить. Жду начала телешоу. Слушай, перезвони позже, а то я сейчас тебе нахамлю, а потом буду жалеть. Что? А ты где? И ты сюда приедешь? Ну... Давай! Ага! Я закажу пропуск. Сделай Захару пропуск, – обратилась она к Оксане.

– А-а... На какую фамилию? – растерялась та.

– Понятия не имею! – отрезала Даша, всучила ей трубку и ушла.

Ха! И что ей теперь делать?

– Захар? – пролепетала она через десять секунд. – Извини, это Оксана...

С Дашей всегда так. Едва Захар приехал, начались съемки.

– Ты подождешь? – спросила Даша без всяких сомнений в том, что услышит в ответ «да». – Это быстро, я побежала, извини...

Она ускользнула, а Оксана осталась.

– Ну давай я угощу тебя кофе, – предложил Захар.

Он был в тех же джинсах и белой рубашке – но ничего облегающего! Рукава подвернул, обнажив восхитительные кисти, татуировку и третичный мужской половой признак – вены на руках. Пальцы у него, кстати, были длинные, тонкие, не крестьянские.

Оксана ощутила себя голой – все девицы в кафе разглядывали ее с таким видом, словно хотели определить, сколько стоит ее нижнее белье.

Но Оксана знала: она – красивая. В отличие от Даши.

Пепельные волосы до плеч, карие глаза с поволокой, розовые губы и смуглая кожа – спасибо бабушке-турчанке, завещавшей ей яркие черты. В косметике не было необходимости.

Даша же была довольно обычной девицей со слегка выющимися темными волосами, с тяжелыми скулами, не самой удачной верхней губой, и только глаза представляли интерес – зеленые, миндалевидные, зато с короткими ресницами.

И если у Оксаны был полный третий размер груди, то Даша с трудом дотягивала до первого с половиной. Лифчики носила только с поролоном. И у нее даже был целлюлит, с которым отчаянно боролась массажистка.

Но Даша, казалось, понятия не имела о том, что не выиграла бы конкурс красоты даже в женской зоне строгого режима. Считала себя неотразимой.

Наверное, Оксана была к ней несправедлива.

Но если есть Бог на свете, то как можно объяснить с позиции добра и зла тот факт, что Даше успех сам идет в руки, а она, Оксана, заблудилась в трех соснах?

Они знакомы с детства. Не то чтобы их родители дружили, просто года два они жили в одном доме.

Оксана таскалась со скрипкой в музыкальную школу, пока Даша прыгала с тарзанки. Оксана приносила домой пятерки, а Даша – ссадины на коленках и щенков с помойки.

Оксана помнила, что Даша всегда считалась оборванцем – когда другие девочки щеголяли в юбках с воланами и майках с котятами, Даша слонялась по двору в засаленных джинсах и стоптанных кроссовках, причем не потому, что ее родители не могли позволить большего, а потому, что она не признавала другой одежды.

У Оксаны тогда была роскошная коса, а Дашу стригли под Мирей Матье.

Оксана училась в шестом классе, увлекалась оригами и Шарлоттой Бронте, а Даша перешла в девятый, слушала «Кино» и «Алису», ездила с хулиганом Костей на мотоцикле «Урал» и курила травку.

На местном тотализаторе на Дашу не поставили бы и копейки, а вот Оксану считали «подающей надежды» – если она не станет моделью, звездой журналистики или женой миллионера, значит, мир перевернулся.

Но когда Оксана поступала на журфак, Даша уже писала в «Афишу», ездила на старом полосатом «Жуке» и считалась модной московской девицей.

Родители Даши переехали с метро «Аэропорт» на Остоженку, но связь осталась – Москва маленькая, все друг друга знают.

– Ну и что тебе даст образование? – поинтересовалась как-то Даша, встретив Оксану на показе Петлюры и пани Брони.

Даша была в узких черных джинсах, которым не изменила по сей день, в черной майке и в шляпе «котелок».

Оксана тогда собиралась работать в глянцевого журнале, наверное в «Космо», поэтому не могла точно сказать, зачем ей диплом. Иллюзии на предмет того, что придет она в журнал с дипломом на груди и ее, отличницу, написавшую в газету «Вестник студента» статью о вреде курения, тут же возьмут редактором (может, даже главным), развеялись. Она знала – в штат новоиспеченных выпускников вузов не берут, гонорары платят крошечные, заданий не дают. На предложение: «Вы скажите мне тему, а я вам напишу» – сотрудники изданий отвечают оглушительным смехом.

Но учиться ей нравилось. Нравилось жить с мамой и папой. Нравилась студенческая жизнь «понарошку».

Она даже побывала в гостях у Даши – в жуткой двушке на Рязанском проспекте, в доме без лифта, которую Аксенова снимала с какой-то «поэтессой».

Потом Даша вернулась на «Аэропорт» и квартиру снимала уже с моделью, позже забеременевшей от рок-звезды, но тогда Оксана просто ужаснулась бедности жилища, которое скорее напоминало муниципальную больницу, чем обитель двух молодых девушек.

Это была одна из тех квартир, что могли все рассказать о хозяевах: отчаянные лень и жадность мешали им даже поменять обои, забуревшие у потолка, а в сочетании с глупостью сделали их одними из тех рантье, которые после каждого скачка цен на недвижимость бегут повышать цену в три раза, с расчетом на то, что в их халупе возжелает поселиться нефтяной миллионер, а не какие-то там студенточки.

Она, Оксана, не променяет свою родную комнату с антикварной мебелью и подлинником Коровина на что-то в этом духе.

Бабушка умерла, Оксана переехала на Никитскую, а Даша купила квартиру на «Китай-городе» и построила дом на Ярославке.

– А ты давно работаешь у... с Дашей? – поинтересовался Захар.

– Работаю меньше месяца, но мы давно знакомы. Можно сказать, с детства, – объяснила Оксана.

– Тебе нравятся ее книги?

Он застал ее врасплох.

Признаться в том, что она читает Дашины книги? Нормальное признание для личной помощницы, но для человека ее круга...

Конечно, она прочитала все, что та написала, – пыталась узнать секрет успеха, но это не доставило ей ни малейшего удовольствия, ведь Оксана так и не решила загадку: почему она, Даша?

Почему она, с ее жалкими (будем честными) книжками, так популярна, почему ее знает в лицо вся страна, почему у нее столько денег?

– Ничего, – Оксана пожала плечами. – А тебе?

– Я всего одну прочел. Мне очень понравилось. Такой драйв!

– Драйв? – переспросила Оксана.

– И в жизни она точно такая же. Удивительно, да?

– Да, она такая... – промямлила Оксана.

Драйв? Ха! Что за драйв? Ну истеричка. Может, это и есть тот самый драйв?

– Ну а ты занимаешься пиаром, да?

Оксана растерялась.

Чем, собственно, она занимается?

Она работала в женском журнале, и в одно ужасное мгновение на нее обрушилось понижение, что жизнь ее льется сквозь пальцы.

Отличница? И что?! Красный диплом? Ей это надо?! Изящная фигура, хороший вкус, аристократические манеры? И что ей с этим делать?!

Где она сама? Где ее «я»?

Оксана уволилась.

Рассчитывала с месяц думать, искать себя, но ничего не вышло – она только поздно просыпалась, ела, таращилась в телевизор (даже увлеклась «Домом-2»), перестала стирать одежду, так как ходила в единственных спортивных штанах, и поругалась с домработницей, которая требовала, чтобы Оксана съездила в «Ашан» и купила там какие-то особенные тряпки для полирования мебели.

Она была не готова посвятить свою жизнь статьям о качестве наращенных ногтей. Иногда это было увлекательно, но стоило ей представить жизнь в перспективе, как бессмысленность сущего становилась настолько очевидной, что даже убирать улицу казалось более полезным.

Она пошла бы в корпус мира или в Гринпис, но Оксане хотелось признания.

– До поры до времени, – произнесла она. – Вообще-то я собираюсь написать книгу.

– О! – удивился Захар. – Здорово. Это для тебя хороший опыт – поработать с Дашей.

Оксана его возненавидела. Хороший опыт? Он это серьезно? И как он себе это представляет: Толстой, Чехов, Диккенс, Аксенова?

Чему можно научиться у графоманки?

Ладно, нет никаких сомнений в том, что она, Оксана, завидует, но как можно не завидовать Аксеновой, Донцовой, Робски, если они... Что такого есть в их книгах? Ну ладно, Устинова еще туда-сюда, хотя бы пишет человеческим языком, а успех Робски чем объяснишь? А популярность Аксеновой? Про Донцову и вспоминать страшно!

Оксана вспомнила, как чуть не описалась (покраснела-то уж точно) во время интервью с журналом «Эксперт». Дашу спросили, в чем она видит задачу искусства вообще и литературы в частности, и та ответила:

– Мы делаем мир лучше.

Мы. Делаем. Мир. Лучше.

Мы, Достоевский и Даша Аксенова, по матери Решетюк.

Все дело в том, что Оксане уже предложили написать книгу. Одно издательство. У нее была колонка в «Большом городе» – сейчас ее уже сняли, вот на нее и вышли через газету. Оксана согласилась, только пока не очень понимала, о чем будет книга.

Наверное, Захар тупой. Хотя и красивый. А тупые мужчины – не ее профиль.

Девушки за соседним столом зашушукались. Оксана обернулась и увидела ее. Дашу. Все те же черные рокерские джинсы в обlipку. Черная шелковая рубашка. Тяжелые черные бусы с металлическими вставками. Готический макияж. То же мне, звезда танцпола!

Захар поглупел лицом.

– Уф! – Даша уселась за стол, схватила меню с десертами и принялась им обмахиваться. – Ну и жара! Я потная, липкая и мерзкая! Захар, возьми мне водички. Со льдом! – бросила она ему вдогонку.

Что за идиотская привычка?

Если домработница ехала в магазин, Даша могла ей раз сто позвонить: «Ой, я забыла – купи эклеров!», «Ой! Тампоны „мини“!», «Прости, совсем вылетело из головы – возьми соевых огурцов, бочковых!»... И так до бесконечности.

В музыкальный магазин Даша приходила со списком, но каждые пять минут названивала либо сотрудникам, либо знакомым:

– Помнишь тот диск, который мы слушали в прошлом году, когда ехали в Шереметьево? Ну когда улетали на Кипр! Третья с конца песня – там кто поет?

– Алло, Оксан, не могла бы ты зайти ко мне в комнату и посмотреть во второй слева или в первой кучке дисков на шестой полке – красная такая обложка с черепами?

– В Интернете посмотри хит-парад «М-радио», группа на букву «Z», в названии песни есть слово «faith»...

Конечно, это была ее, Оксаны, работа, но когда тобой крутит взбалмошная ровесница (почти ровесница), которая не хочет напрячься, чтобы хоть на минуту облегчить тебе жизнь...

– Спасибо! – Даша вырвала из рук Захара стакан с минералкой. – О-ооо... У меня все тело обезвожено... Слушайте! – воскликнула она, не отрывая стакан от губ. – Нам нужно показаться на одном мероприятии.

Оксана пролистала органайзер. Никаких вечеринок.

– Не! – отмахнулась Даша. – Меня только что Малахов позвал. День рождения одного журнала. В саду. Будет Баста Раймс. Пойдем?

Это приказ?

Она это назло?

Оксана была в черных брючках и бежевой майке – удобно носиться по городу, высунув язык, но уж никак не оттенять Дашу на вечеринке, где будет петь сам Баста Раймс.

– Отлично! – обрадовался Захар.

– А тебе нравится Баста Раймс? – прищурилась Даша.

Если вами не расшифрован какой-нибудь там Джонни Фармер, о котором никто не слышал, – ей не о чем с вами говорить. Детский сад.

– Мне нравится все, что нравится тебе, – усмехнулся Захар.

– Садись, два, – улыбнулась Даша. – Ну честно?

– Не все, – признался Захар. – Но некоторые песни даже очень.

– И мне! – обрадовалась Даша. – Обожаю, когда он с Эрикой Баду...

– ...с Эрикой Баду! – одновременно произнесли они и рассмеялись.

– Поехали? – Даша поднялась со стула, не обратив внимания, что Оксана еще недоела торт. – Извини! – Она вернулась на место, когда помощница отложила ложку. – Ну что ты, доешь сначала!

– О чем было шоу? – спросил Захар.

Даша посмотрела на него, ничем не показав понимания вопроса.

– А! – очнулась она. – Да!.. Бред какой-то. О чем? – спросила она Оксану. – О сериалах.

– И что ты сказала? – любопытствовал он.

– Ну слямзила у Михалкова цитату насчет того, что раньше актеры были кумирами, потому что кино было единственным развлечением, а сейчас сериальные звезды – почти члены семьи, ты видишь их каждый день в телевизоре. Этот... Астрахан очень обиделся.

Глава 3

На вечеринке Даша произвела сенсацию. Ее фотографировали с Захаром, который профессионально улыбался в камеру. Как выяснилось позже, в юности он подрабатывал манекенщиком.

Захар – в белой рубашке, Даша – в черной, отличный контраст, красивая пара, завтра их поженят.

А потом случилось нечто ужасное.

Они подоспели прямо к началу концерта. Даша выпила три коктейля «Куба либра». Держалась мило. Обнималась с Захаром.

Потом Даша встретила девицу, которая увела у нее друга. Не любовника – друга.

От друга ушла жена – причем к какому-то сантехнику, или электрику, или вообще дальнобойщику. Друг жил с женой двенадцать лет, нарожал троих детей – и все это вопреки всеобщему мнению, что его жена мерзкая, склочная мегера.

Чего можно ждать от женщины, которая двенадцать лет назад заявила: «Если мы завтра не подадим заявление в загс, я приму предложение Вадика!»?

Это и есть любовь?

В общем, жена выпила не меньше трех литров его еврейской крови, которая под конец их союза наполовину состояла из водки, прежде чем отняла у него ключи от квартиры.

И тут у друга, который вопреки не только здравому смыслу, но оптическим свойствам контактных линз видел в этой растолстевшей злыдне умницу и красавицу, произошел нервный срыв.

Он купил красный «Порше», квартиру-студию с черными стенами и где-то подобрал совершенно никчемную девицу, которую тут же объявил смыслом своей жизни.

Девица, достоинства которой были, наверное, очевидны разве что в постели (или где там они занимались сексом), но проверить это было сложно, оказалась гадким, плохо воспитанным существом с интеллектом кассового аппарата.

Однажды девица с кодовым названием Существо даже испортила Даше каникулы, а этого Аксенова простить не могла. Они с другом и его Новым Смыслом Жизни отправились в Марбелье, в его дом, куда он уже лет шесть приглашал Дашу, и вскоре выяснилось, что теперь там нельзя курить, смотреть кино на звуке после одиннадцати (Существо было жаворонком, то есть ложилось в десять, просыпалось в шесть), на море всем вменялось приходиться в восемь... И вот тут-то Даша и сорвалась.

Неделю она поясняла Существу, что ни физически, ни морально не готова к подъему в семь, так как ложится в пять, иногда пьяная. Но Существо упорно скреблось в ее дверь, заявляя, что завтрак готов.

И однажды Даша, едва заслышав в коридоре царапанье, сорвалась с кровати, распахнула дверь, схватила Существо за грудки и закричала:

– Ты, ...дь, что, по-русски ни хрена не понимаешь? Я сплю, и у меня нервный срыв, так что если я тебя убью – меня оправдают! Идиотка! Пошла вон!

Она схватила сумку и прямо в халате перебралась в гостиницу, куда ей позже прислали чемоданы.

Друг страдал. Пил и плакал. Но Существо, несмотря на заверения Даши в том, что она готова к перемирию и больше никого бить не будет, устроило любовнику скандал – лишь за то, что он виделся с Дашей, и на этом их дружба закончилась.

Для мира Существо было Юлей...

– Привет! – дерзко произнесла Юля.

– О! Папаки! Чего без намордников? – выдала Даша.

Оксана, не ведающая тонкостей их отношений, чуть не упала в обморок.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Юля, до которой, видимо, тонкий юмор создателей «Кин-дза-дза» не доехал – не долетел.

– Ну пробралась через дыру в заборе, чтобы пожрать на халяву, – отрезала Даша. – А тебя, наверное, пригласил по меньшей мере главный редактор?

– Я здесь работаю.

– Официанткой? – усмехнулась Даша.

– В журнале, – Юля все-таки покраснела. – В отделе маркетинга.

– О-о! – восхитилась Аксенова. – Как Володя?

– Мы собираемся пожениться. – Глаза у Юли заблестели. – В октябре.

– Да ладно? – Даша расхохоталась. – Друг на друге? Я, конечно, не приглашена? – уточнила она на всякий случай.

Юля пожала плечами и злорадно улыбнулась.

– Минутку... – Аксенова подняла вверх указательный палец. – Никуда не уходи!

Она отошла к бару, взяла бутылку виски, налила полный стакан, вернулась к Юле, Оксане и Захару, залпом выпила, после чего размахнулась и швырнула стакан на землю. Не успели все удивиться, как Даша уже вцепилась Юле в волосы и стала макать ту головой в пруд.

Как нарочно для музыкального сопровождения драки включили Билли Айдола, что, казалось, Дашу еще больше завело. Захар очнулся раньше всех и отбил Юлю у писательницы, которую оказалось не так-то просто отцепить от жертвы.

– Не попадайся мне на пути! Сиди дома! – орала Даша, и все это снимали фотокамеры.

Ух ты! Завтра снимки точно будут на первых полосах!

Оксана так и стояла, открыв рот, пока Даша не дернула ее за руку и не сказала:

– Ну?! Идем!

И она поплелась за хозяйкой, которая выглядела так, словно не подралась в людном месте, а узнала, что получила Нобелевскую премию по литературе.

– Я сделала это! – гордо заявила Даша в машине. – Ура!

Захар неожиданно расхохотался, а Оксана решила, что лучше держаться от Даши на безопасном расстоянии.

Минут через пять зазвонил телефон. Даша взглянула на определитель и протянула трубку Оксане.

– Ответь, пожалуйста, – попросила она.

– Да, – сухо отозвалась Оксана.

– Даша! – завопила трубка.

– Это Оксана, ее помощница, – быстро представилась она.

– Дашу позовите! – волновался мужской голос.

– Кто ее спрашивает?

– Это Вова!

– Вова... – прошептала Оксана.

– Да я знаю, – хмыкнула Даша. – Орет?

Оксана кивнула.

– Не буду говорить, – заявила Аксенова.

– Простите, она сейчас не может...

– Дай мне Дашу, твою мать!

Оксана отключила телефон и вернула его хозяйке.

– Что?! – Даша уставилась на нее как на букашку.

– Я не могу вести такие разговоры, – отрезала Оксана.

– А я могу?!

– Это твое личное дело.

– А если бы я была твоей подругой? – завелась Даша. – Ты бы могла?

Оксана молчала.

Аксенова задумалась.

– Ну ладно, извини. Без обид?

Оксана вздохнула.

– И что, ты теперь будешь плевать мне в чай?! – рассердилась писательница.

– Даша, мне просто не хочется, чтобы наши отношения выходили за рамки рабочей этики...

– О боже! – возопила Даша. – Оксан! Я ничего не знаю о рабочей этике, рамках и отношениях! Но тебя я знаю с пятого класса! Какая-то жопа с ушами скоро выйдет замуж за хорошего несчастного человека, с которым я дружу пятнадцать лет, а тебе трудно двадцать секунд потрудиться буфером! Может, его жизнь от этого зависит, а ты ведешь себя так, будто я прошу тебя постирать мои трусы!

«Так оно и есть!» – подумала Оксана, но лишь вздохнула и пожала плечами.

Даша надулась, Оксана уставилась в окно, а Захар обнял буянку и погладил по голове.

– Я не права? – Даша вырвалась из объятий и посмотрела ему в глаза.

– Не спрашивай меня, – усмехнулся он.

– Почему это? – насупилась Даша.

– Ты избил человека, – пояснил Захар. – Думаешь, это правильно?

– Послушай, друг! – завелась Даша. – Мне не нужно, чтобы меня тут осуждали! Так что...

– Я же сказал: не надо меня спрашивать! – перебил ее Захар.

– Я просто хочу, чтобы между нами не было абсурдного недопонимания! – воскликнула она. – Я такая, какая есть, и меня это вполне устраивает!

– Даша, я не собираюсь с тобой ссориться... – Захар все еще надеялся, что удастся выйти из этой дискуссии без потерь.

– Ну и не надо ссориться! – взбеленилась Даша. – «Избил человека!» Да она не человек! Все! Захар! Извини, но ты лучше иди домой. Остановите машину! – прикрикнула она на водителя.

Тот спешно перестроился ближе к обочине и притормозил.

Даша уставилась на любовника.

– Что? – спросил он.

– Захар, прости, я понимаю, это хамство и все такое, но я хочу остаться одна. С ней. – Она кивнула на Оксану.

Оксана же старательно отводила глаза, так как участие в этом жалком фарсе ее угнетало. Сумасшедший дом какой-то, бред, безобразие!

Захар ничего не сказал, просто вышел.

Водитель тронулся с места.

– Стойте! – воскликнула Даша, едва они проехали несколько метров.

Она выскочила из машины и побежала к Захару, который прикуривал одновременно и ловил такси.

Водитель сдал назад. Захар с Дашей вернулись.

– Оксан, извини, ты не могла бы пересесть вперед? – распорядилась Аксенова.

Оксана пересела.

Вот это да! Она его вытолкала взашей, а он вернулся как ни в чем не бывало! У него что, гордости нет?

Кто же он такой, этот Захар? Жиголо?

– Захар, я сумасшедшая, мне так стыдно, это просто изуверство какое-то... – каялась Даша. – Ну, я вошла в раж, знаешь, «все вокруг враги», у меня это бывает, но ты не волнуйся

– с ножом я еще ни на кого не бросалась, честное слово! Уф! Просто я теряю лучшего друга, и мне чертовски обидно! И больно! Ну почему я ее не утопила?!

– Слушай, а ты завтра не будешь раскаиваться в содеянном? – поинтересовался Захар.

– Я?! Что ты! – фыркнула она. – Вот ты думаешь, я психанула? Если ты о том, как я выгнала тебя на улицу, – это было ужасно, и я этого не переживу! Да, я буду раскаиваться – и делаю это прямо сейчас. Но что касается этого опарыша, Юленьки, – ни за что! Отвечаю за каждое свое слово! Я уже несколько месяцев мечтала это сделать! Нецивилизованный я человек, Захар, так и знай!

– Ну, я занимаюсь боксом, – усмехнулся он.

– Какой же ты милый! – невпопад заявила Даша.

До Оксаны донеслись звуки поцелуев.

Неужели ей так повезло – она работает на ненормальную?

– Даша, это ненормально! – возмутилась Оксана на следующий день.

– Я знаю, – согласилась та. – В этом весь смысл.

Оксана еле-еле уговорила «Космо» сделать с Дашей интервью. Не то чтобы масштаб Аксеновой был для журнала мелковат, просто они публиковали материал о ней полтора года назад, а для «Космополитена» это не срок.

А теперь Оксана должна была объяснить главному редактору – девушке довольно консервативной в том, что касалось стиля истинной «космо-герл», – что Даша хочет сняться обнаженной, с обнаженным же Захаром (который еще не знал об этом) в стиле Джона Леннона и Йоко Оно.

– Но почему не «Максим»? Не «FHM»? – отчаивалась Оксана.

Задача казалась ей невыполнимой.

– Потому что «Космо» – самый популярный женский журнал, – Даша посмотрела на нее как на устрицу, которая вдруг пискнула: «Не ешь меня!»

– Это невозможно. – Покачала головой Оксана.

– Да ну? – усмехнулась Даша. – А ты попробуй!

Оксана поплелась к телефону, обещая себе не звонить, не говорить, не позориться, а просто наврать хозяйке, будто ей дали от ворот поворот.

Но Даша чуяла вранье за версту. Видимо, потому, что сама врала каждый божий день.

– А что? – усмехнулась она после того, как наплела небылиц в интервью одному серьезному журналу. – Я же писательница. Ложь – моя профессия. Это ведь забавно.

Захар уехал рано утром. Оксана встретила его на кухне – он ломал кофемашину. Она показала, как ею пользоваться, стараясь не думать о том, что у него под полотенцем.

За полотенце Захар извинился – мол, не ожидал увидеть здесь людей в восемь утра.

Но это ничего.

До него у Даши был рокер, который плавал в бассейне голым. Рокер-нудист. Солист самой популярной хард-рок-группы.

Витя. Лет сорока пяти.

Красивый мужчина, только слегка потрепанный.

Даша клялась, что без головы он напоминает ей Билли Айдола – такой сухой, жилистый. Рокер действительно был без головы – после очередного рок-фестивала, то ли «Эммауса», то ли «Крыльев», он притащил в дом банду пьяных в лоскуты музыкантов, журналистов и даже фанаток, одна из которых была застигнута Дашей в тот момент, когда пыталась сделать рокеру под водой минет. Безумная затея.

– Было весело! – ответила Аксенова на сочувственные причитания Оксаны.

Это случилось через три дня после того, как Оксану приняли на работу.

– Тебя это не расстраивает? – поинтересовалась Оксана.

– Да ладно тебе! – отмахнулась та. – Он же псих! Но зато я переспала с кумиром моего детства. Помнишь, как все от него тащились?..

Оксана помнила, как от него тащилась Даша.

И ведь даже нельзя сказать, что Аксенова была классической «плохой девчонкой», а Оксана – «отличницей».

Даша, кстати, почти не пила. Ну, позавчера уделалась, но это случилось не чаще трех раз в год. Она берегла внешность и здоровье. Сходила с ума она «всухую».

А Оксана, наоборот, могла напиться и зависнуть где-нибудь в «Маккое», а раньше – в «Голодной утке».

Оксана всю жизнь считала себя революционеркой – после того как отказалась поступать в медицинский, несмотря на мольбы и угрозы родителей, и пошла на журналистику. Она слушала «Мерилин Менсон», носила рваные джинсы задолго до того, как те вошли в моду и мечтала писать прогрессивные эссе в «Эсквайр».

Но сейчас суть была в том, что полотенце оказалось не очень большим – Даша не любила махровые простыни, – крепко облегало бедра и не оставляло сомнений в том, что у Захара потрясающее тело.

– Я переодеюсь, – он поставил на стол чашку кофе и подвинул ее к Оксане.

Та отмахнулась. С утра она кофе не пила. А пила зеленый чай, завтракала и лишь после полудня варила себе капучино.

Даша, наоборот, с утра (с двенадцати до часу) на еду смотреть не могла, зеленый чай вообще считала пойлом и где-то час растормаживалась, попивая кофе и покуривая сигареты.

А потом уже сразу обедала.

Захар так и не переоделся, благородно оставив возможность любоваться на его мускулистые икры.

– Захар, а ты правда юрист? – спросила Оксана.

– О да! – кивнул он. – Это трагедия моей жизни.

– Почему это? – удивилась она.

– Компромисс между желанием моих родителей видеть меня биологом или психиатром.

– Почему биологом? Или психиатром?

– Ну, когда мне было тринадцать, мама ударилась в православие и решила, что биолог – вполне богоугодное занятие, а отец как правоверный еврей мечтал, чтобы у сына была надежная профессия.

– А как твоя православная мать уживалась с иудеем?

– Прекрасно! – Он ухмыльнулся, обнажив замечательные белые клыки. – Отрывались они на мне.

Беседа только завязалась, но Захару уже надо было бежать. Оксана проводила его до ворот и с тоской смотрела вслед его «Ауди-4», поднимающей столбы пыли.

Достаточно было хотя бы говорить с ним.

Н-да...

Вранье.

Недостаточно.

Ей хотелось кинуться на него и изнасиловать, пока он не успел понять, в чем, собственно, дело.

Прямо как в юности. Плакат Элвиса – стройного и неотразимого. Девичьи слезы. Хорошо хоть бог миловал и она не зафанатела каким-нибудь Димой Маликовым или группой «Take That».

Глава 4

- Захар уехал? – спросила Даша, едва показавшись на кухне.
- Да.
- Ну, как он тебе? – Даша допила кофе из его кружки и намазала белый хлеб красной икрой.
- В смысле? – насторожилась Оксана.
- В смысле, что ты думаешь о Захаре как о человеке и сексуальном объекте?
- Черт! Она что, дружит с ней или для Даша нет разницы, с кем обсуждать любовника – с лучшей подругой или охранником из супермаркета?
- Лицо сделай попроще! – приободрила ее Даша. – Можешь не отвечать.
- Да что уж там! Он классный. Красавец.
- Это тебе не старый похотливый козел в сапогах! – расхохоталась Даша.
- «Козел в сапогах», звезда тяжелого рока, получил такую кличку за склонность к сексу с безымянными фанатками и за привычку носить ботинки на шнуровке до колен.
- Какой он крутой! – вздохнула Даша.
- Почему? – Оксана даже немного удивилась.
- Ну... – Даша пожала плечами. – Ты не замечаешь, сколько ему лет, потому что он весь внутри, и у него столько энергии, силы, что на это подсаживаешься, как на наркотик. Ты была на его концертах? Он так заводит малолеток, что они кончают в трусы, а ему, обрати пристальное внимание, уже почти сорок шесть. Хотя Мадонне сорок восемь...
- Ты о Викторе? – воскликнула Оксана.
- А ты о ком?
- Тьфу, я думала, ты о Захаре! – смутилась Оксана.
- Да ладно тебе! О Захаре я уже забыла! Хотя он, конечно, сексуальный бой-той. Игрушечка такая. Но, знаешь, он не в моем вкусе. Слишком яппи.
- Уж конечно. Кому интересен красивый, милый, вежливый, успешный мужчина младше пятидесяти?
- Н-да, в интересе к стабильным положительным связям Дашу было трудно обвинить. Один лишь раз она встречалась с бизнесменом. Правда, тому было тридцать два года и познакомились они в Куршавеле. Сергей привлек Дашу нежной любовью к черным трассам, рассказами о том, как он ездил в Австралию кататься на серфе, и дружбой с резидентами «Комеди Клуб» – в то время еще не раскрученными талантами.
- Но в Москве он заехал за ней на представительском «Лексусе», отвез ее в «Марио» и поставил точку на их отношениях, подарив ей кольцо с шикарным аметистом.
- Это не мое, – сказала Даша, показав Оксане кольцо.
- Милое такое колечко с огромным сиреневым камнем в белом золоте и с россыпью мелких бриллиантов.
- Осталось только закупить барахла в «Каррера и Каррера» и напялить платье «Оскар де Ла Рента», отделанное мехом. Это не для меня! Кольцо маме подарю на тридцать лет свадьбы.
- Оксана не считала себя занудой и буржуазной клушей, пока не встретила Дашу.
- У той не было ни малейших сомнений в том, что отношения, основанные на взаимопонимании, доверии, желании идти на компромисс, нежной, немного родственной любви, стабильности, – это ужас, кошмар, проклятие.
- И вот такого человека Оксане предстояло сегодня везти на интервью с самым настоящим таблоидом. Что они о ней напишут?
- Сейчас вернусь, – пообещала Аксенова и пошла одеваться.

Вернулась в черных узких брючках, кожаной рокерской жилетке с высоким воротником и заклепками, туфлях с шипами «Дольче и Габбана» и с таким количеством напульсников, браслетов и колец, что, казалось, ей будет трудно даже сигарету поднять.

– Как? – Даша надула ярко-красные губы.

– Обалдеть, – честно призналась Оксана.

Да уж. Образ.

Панк, пишущий женские триллеры.

– Поедем на «Порше», – заявила Даша.

К счастью, она не считала себя лихим гонщиком – вела машину профессионально, но ровно.

Журналистка опоздала, но поразило Дашу не это, а внешность барышни. Черное платье с дерзким вырезом, платиновые волосы, серебристые сандалии на шпильке и огромная сумка с металлическим отливом.

– Здравсте! – выдохнула журналистка.

Даша протянула ей непочатый стакан с лимонадом.

– Извините! – Журналистка залпом осушила половину стакана. – Уф! Жарко!

– Начнем? – поинтересовалась Даша.

– Я приготовила вопросы, но сегодня появилась новость, что вы вчера подрались на вечере-ринке...

– Я не дралась. Я просто побила одного нехорошего человека.

– Говорят, она увела у вас любовника, – прищурилась журналистка.

– Это неправда. Я бы никогда не стала выяснять отношения с женщиной, которая увела у меня мужчину. Если виноват мужчина – с него и спрос.

– Вы не могли бы рассказать поподробнее? – настаивала девушка.

– Нет. Мне же придется рассказывать не только о себе, но и о других людях, так что я этого сделать не могу. Просто напишите, что если мне кто-то не нравится, я не стану скрывать свое отношение. Я не дипломат.

– Ну... – корреспондентка задумалась. – А если она подаст на вас в суд?

– Плевать, – Даша ухмыльнулась и пожала плечами. – Вы что, думаете, меня посадят?

– Вряд ли. А вы сейчас с кем-нибудь встречаетесь?

– О да! – улыбнулась Даша. – С самым красивым мужчиной на свете.

– Кто он? – оживилась журналистка.

– Право первой съемки принадлежит «Космополитену», так что извините.

Оксана позеленела.

Боже мой! Что она вытворяет?

А если кто-то из «Космо» прочитает, что Даша наплела отпетому таблоиду, тогда вообще никакого интервью не будет! Кого она из себя корчит? Анжелину Джоли?!

– Интересно! – воскликнула девица.

– Еще бы! Это будет эротическая фотосессия, – гнула свою линию Даша.

«Пристрелить суку...» – стонала про себя Оксана.

Ей же потом все это разгрести!

– Оксан, ну а ты чего хочешь от жизни? – поинтересовалась Даша, когда они ехали домой.

– В смысле?

– Ну ты же не собираешься работать у меня до пенсии! Это же временно, правильно я понимаю?

Ух ты! Какая догадливая!

– Наверное, нет, – согласилась Оксана. – Я думаю, может, книгу написать?

Она произнесла это небрежно, чтобы ее признание можно было принять за шутку.

Мол, ляпнула первое, что пришло в голову.

– О! – Даша оживилась. – Здорово! А о чем? Или ты пока не знаешь?

– Да я вообще не уверена... – Оксана сделала шаг назад, но Даша уже вцепилась в нее:

– Слушай! Но это же просто отлично! Давай пиши, а я тебе помогу с издательством!

Ага. Сейчас. Благими намерениями дорога в ад вымощена.

Собиралась она писать книгу?

Какой страшный, трудный вопрос!

Да. Ответ – «да». Конечно, собиралась. И конечно, хотела стать знаменитой. Но страх мешал ей не то чтобы начать, а даже думать об этом. Сколько глупых девушек хотят написать книгу, пишут, публикуют и становятся одной из тысяч авторов, романы которых покупают за пять минут до того, как сестра в поезд или самолет?

Эти книги потом находит стюардесса (что она с ними делает? Читает?), а ты не можешь вспомнить ни названия, ни имени.

Ой-ей-ей...

И судьба твоя – обсуждать в Интернете всяких там успешных Аксеновых и жаловаться на глупость издателей.

– Куда мы едем? – дернулась Оксана. – Даш, у нас же презентация!

Как она могла забыть? Сегодня они приглашены... Даша приглашена... на вечеринку в честь книги известного персонажа, владельца знаменитого ночного клуба.

Там будет горячо, а главное, обещают много фотографов.

– На полчаса заедем, – пообещала Даша. – Нет настроения. Какая же ты женственная и милая! – без перехода выпалила она.

– Прости? – уставилась на нее Оксана.

– Ну... – Аксенова покрутила рукой. – Не знаю, как это у тебя получается. В тебе столько женского... Вот ты юбки такие носишь...

На Оксане была легкая юбка из жеваного шелка и топ с драпировкой. Ничего особенного. Заурядный летний наряд.

– Ну, ты тоже можешь носить такие юбки. – Оксана усмехнулась, пряча смущение.

– Не-а! – Даша покачала головой. – Я в такой одежде чувствую себя как в костюме Красной Шапки. Не умею быть девочкой-девочкой.

– Понятно.

– Оксан, ну что ты такая нудная! – воскликнула Даша.

Оксана собиралась что-то сказать, но они уже приехали, Даша выскочила из машины и принялась позировать фотографу из «Коммерсанта».

А теперь сравним фотографии, которые завтра выйдут в газетах, – Даша в стиле «новой волны» восьмидесятых, и снимки, на которых теоретически могла бы оказаться Оксана – нечто усредненное, в пастельных тонах...

Откуда берется стиль? Оксана вздохнула. Она не любила наряжаться. То есть одеться чисто, красиво, в хорошую одежду – это пожалуйста, но вот сочетать двадцать тысяч аксессуаров, часами листать в Интернете модные страницы, с лупой разглядывать браслеты ранней Мадонны – этого она не понимала.

Даша же, как могла, кривлялась перед фотографами – то рокерскую козу покажет, то приспустит с плеч кожаный жилет, то губки надует...

Когда они наконец очутились в клубе, к Даше приклеился мужчина лет тридцати семи, очень даже милый, в очках, принес шампанского.

От шампанского она отказалась – отдала бокал Оксане, а мужчине улыбнулась дежурной улыбкой: мол, чертовски приятно, но кто вы такой, в конце-то концов?

– Вчера был вечер памяти Пригова...

– Это такой ужас! – перебила его Даша. – Как он мог умереть? Ему же шестидесяти не было! И Татарский! Кошмар...

– Ну, больное сердце... – мужик пожал плечами. – Поэты вообще долго не живут...

– Ну вот! – расстроилась Даша. – И вы туда же! Это все неправильно. Талант должен поддерживать человека, а не убивать. Грустно.

Минут через десять мужчина отошел, и Оксана решилась узнать, кто это такой.

– Да никто! – ответила Даша. – Просто чел.

«Да никто!»? Она с ним с четверть часа мило беседовала, а сейчас он – «никто»?!

Да уж... Этим Даша ее всегда раздражала – она была снобом, хоть и старалась это скрыть, правда, лишь из вежливости, которой ее, видимо, все-таки обучили мама и папа.

«Никто» – для Аксеновой были все, кроме творческих людей. В таком вот порядке: ученые, люди искусства, американская команда «Тачки на прокачку».

В обществе «просто людей» Даша откровенно скучала – говорила, что устала прислушиваться к заимствованным суждениям.

Она, Оксана, разумеется, была «никем», что вносило в их общение определенный напруг.

– Ну что, поехали? – одернула ее Даша.

– Э-э-э... – замялась Оксана.

– Хочешь остаться? – предположила хозяйка. – Я пришлю за тобой Валеру.

Валера – это водитель.

И Даша уехала.

Из толпы вынырнул шеф-редактор одного из московских издательств – пожилой мужчина со старомодными манерами.

– Оксаночка! – воскликнул он, схватил ее руку и лобызнул. – А где Дарья Викторовна?

– Только при ней не называйте ее Викторовной, о'кей? – хмыкнула Оксана. – Она на дороге к дому.

– У Дарьи... гм... не возникло желание что-нибудь для нас написать? – поинтересовался Виталий.

Смешно! В этом издательстве Даша опубликовала первую книгу, которую издали в мягкой обложке, а продавали, казалось, только в подземных переходах и метро. Даше предложили самые невыгодные условия, и как она ни молила хоть на один процент повысить ей гонорар, тот же самый Виталий уверял, что ей не следует бросать постоянную работу, так как на литературе Даша много не заработает – таких авторов, как она, пруд пруди, за десяток дают рубль в базарный день.

А теперь вот «ничего личного – только бизнес» – не будет ли Дарья Викторовна столь благолюбезна, чтобы опубликовать у нас хотя бы рассказ, хоть лично подписанный чек по кредитной карте...

Даша рассказывала Оксане, как этот Виталий вопрошал:

– Ну вы можете объяснить, чем ваш роман отличается от других? Что в нем такого особенного? Вы вообще уверены, что он будет продаваться?

И все это вдруг заинтересовало его уже тогда, когда контракт был подписан.

Оксана не могла сдержать некоторое злорадство – прав был Виталий в своих сомнениях (да кто же знал, что эта белиберда станет такой популярной?!), но при этом понимала, что на месте Даши мог быть кто угодно: Пелевин, Толстая, Улицкая, Быков... Если у человека один-единственный ориентир – Федор Михайлович Достоевский, вряд ли его заинтересуешь современной литературой.

– Захар? – закричала Даша. – Ну что ты не берешь трубку!

– Я был в ванной, – пояснил он.

– Что делаешь?

– Жду твоего звонка, – усмехнулся он.

– Ну... Я заеду?

– Ты останешься у меня? – уточнил Захар.

– Знаешь... А хотя – да! Валера поедет за Оксаной и привезет мои вещи! Валер, едем на Кутузовский!

Это хорошо, что он живет на Кутузовском, не в каких-нибудь там Печатниках. Даша уже и не помнила, когда в последний раз была в настоящем спальном районе – кажется, лет десять назад, когда ездила к любовнику в Бескудниково-Паскудниково.

А Игорь из Выхино?! Ха-ха! Как это она его забыла?

Стильный парень в кожаном пиджаке, мачо-красавец, очей очарованье жил на краю Галактики – в Выхино, и попасть туда можно было только с помощью телепортации. Это был самый убогий район, который она видела за свою жизнь. И самое ужасное, что спустя некоторое время Даше пришлось снимать там квартиру – все что угодно, лишь бы не жить с родителями. Родители были отличные, но у них своя жизнь, а у нее – своя.

Игорь жил в такой страшной квартире, что Даша его быстро разлюбила, – низкие потолки, обои с золотистым отливом, ковры какие-то опасные для здоровья, закоптившиеся банки на кухне – под варенье... Ух!

Дима из Бескудниково устроился получше – нормальная квартира, но он ничего, кроме своего Паскудниково, знать не желал: там же учился (не совсем там же – на Дмитровке), работал и девушку потом тоже нашел местную – буквально из соседнего дома.

У Даши в сознании отпечатались эти грязные подъезды, разоренные лифты, хлипкие двери «брать нечего» – а все равно «брали»: магнитофон, серебряную ложечку, позолоченный кулон с фианитом, косметику...

Ах!

Даша все не могла понять – как эти люди умудрились смириться с таким убожеством? То есть можно, конечно, пережить, перетерпеть, но поверить в то, что это нормальная жизнь...

Отделившись от родителей, Даша точно знала – она должна всего добиться сама. Да, есть дедушка, а у дедушки квартира на Фрунзенской. Да, есть бабушка, а у бабушки и квартира в Сокольниках, и дача в Мамонтовке, но это все были чужие достижения – невозможно вечно копать один рудник, однажды он иссякнет.

И она добилась! Юху-у!

Ей тридцать лет, она звезда. Знает все свои недостатки. И научилась уживаться с тем, что многим она не нравится. Например, Оксане. Но это проблема Оксаны, а не ее.

Собственно, дело не в квартирах, успехе или зависти, а в том, что ее всегда привлекали красивые мужчины.

Но с Игорем было смертельно скучно. Дима предпочел ей это свое чудовищное Бескудниково со всеми втекающими и вытекающими.

Остальные тоже были не намного лучше.

И тогда Даша решила, что красота – понятие абстрактное.

Конечно, она не разделяет расхожее мнение: «Лишь бы человек был хороший» – то есть неизвестно, что у него там скрывается под костюмом ручной работы с Севил Роуд, возможно, жабры и чешуя, главное, что он «меня любит по текущему курсу фунта стерлинга».

Это уж чересчур.

Красивым она считала Кинчева. Эдварда Нортон. Роберта Нэппера. И не приветствовала, если красивый, как Джонни Депп или как Вент Миллер, мужчина оказывался недалеким самовлюбленным болваном.

И Даше уж точно не хотелось, чтобы ее оберегали и заботились о ней. С заботой все было схвачено – частная клиника, лучшие массажисты, домработница, водитель и личная помощница делали все, что могли, эквивалентно вознаграждению, чтобы Даша чувствовала себя как в колыбели.

Она никогда не была замужем. И не собиралась. Даже боялась слишком влюбиться – чтобы не захотеть разделить с человеком горести и радости, фамилию (об этом не могло быть и речи!), постель, бассейн и банковский счет.

Мысли о классической свадьбе, с платьем и всякими там рисовыми зернышками, навели на нее ужас.

– Почему свадьба? – спрашивала она, стоило ей наткнуться на сюжет, где героиня готова была остановить поезд ради того, чтобы выйти замуж со всеми положенными атрибутами. – Почему не рождение ребенка? Не первый тираж в пятьсот тысяч экземпляров?

– У тебя был такой тираж? – сверкнула глазами Оксана.

– Нет. Но если будет, я куплю самое дорогое платье и устрою пир горой!

– Ты прямо какая-то феминистка! – хохотнула личная помощница.

– Я живу реальностью. А не фантазиями столетней давности. Людям кажется, что традиции – это связь времен, но в наши дни это уже не связь, а веревка на шее.

Оксана была с ней не согласна, но удивлялась тому, что Даша не фальшивит: вот именно так она и жила – и жила прекрасно, подтверждая самым фактом своего существования свою неоспоримую правоту.

И еще она заметила кое-что: Даша нравилась смазливый мальчикам. О том, что смазливый мальчики нравятся Даше, не знали разве что дикари с Папуа – Новая Гвинея, но Оксана никак не могла понять, отчего красивые, как глянцевого туристические проспекты, молодые люди не то что увлекаются Дашей – они смотрят на нее, открыв рот, и таскаются следом верной тенью. Даша и сама этого не понимала – говорила, что, возможно, работает тонкая схема взаимодействия сексуальных флюидов.

Глава 5

– Это твоя квартира? – спросила Даша, осмотревшись.

– Моя, – Захар развалился на диване. – А что, это важно?

Даша уселась на него верхом.

– Очень, очень важно...

Она стянула майку и легла ему на живот.

– Захар, я – сексуальный маньяк, – призналась она. – Твой голый торс приводит меня в исступление.

– Да ты горячая цыпа! – расхохотался он.

– Ну... Гм... Ладно, это уж совсем пошло... – Даша обняла его за шею и соскользнула на бок.

– Что пошло? – заинтересовался он.

– То, что пришло мне в голову, – Даша расстегнула ремень на джинсах и засучила ногами, пытаясь высвободиться из узких штанин. – В связи с цыпами и грилем...

Секс. Конечно, она читала в свое время любовные романы, героини которых если и «предавались страсти» до заключения брака, то считали себя падшими и опозоренными. К счастью, эта ерунда не отравила ей душу – Даша всю жизнь считала секс столь же необходимым, как еда, вода, воздух и... сигареты.

В то время как однокурсницы пожирали булочки с вареньем и мечтали о красивом миллионере лет двадцати пяти, Даша ужинала пакетом кефира и каждый день по часу плавала в бассейне. Все ради секса. Ради того, чтобы не зажиматься в постели от страха, что он нащупает – о, боже! – целлюлит, а получать удовольствие.

Ей нравилось ее тело. Стройное, мускулистое, золотистое, как ириска. Татуировка на плече, на крестце и на ноге. Плохая девочка.

И это ей нравилось. Она любила шокировать.

И конечно, ей нравилось влюбляться. В безумцев вроде Виктора. В сердцеедов и тех самых негодяев, которых избегают после первых ожогов знакомые девицы.

Любые отношения раньше или позже заканчиваются – даже если вы еще живете вместе, так зачем обрекать себя на рутину?

Может, лет в шестьдесят она и выйдет замуж, но не раньше.

«На свете есть только один мужчина, предназначенный тебе судьбой, и если ты его не встретишь – ты спасена».

Виктора пришлось бросить, потому что какая-то девица в бассейне стянула с него трусы.

А разве было бы лучше, если бы он развелся с ней потому, что она не умеет готовить и отобрал бы дом, который она присмотрела для себя в Хорватии?

Оксана считает ее пустышкой. Ну-ну. Она будет уволена. А может, не будет. Ей, Даше, наплевать на то, что происходит между ушами у ее помощницы.

Оксана с энтузиазмом приняла все существующие стереотипы, в том числе и понятие женственности – нечто воздушное, нежное, со всем согласное и «сильное в своей слабости». Фу-ууу!

Но это ее выбор...

Какой же Захар сексуальный! Особенно голый! Не мужчина – конфетка!

Он, правда, слишком уж сладкий, нет в нем ничего брутального, но это ничего. Сколько он продержится рядом с ней? Месяц? Два?

Это типичная гормональная влюбленность – куча секса, идеальное тело, симпатяга. Хочет ее, Дашу, беспрерывно. Что может быть лучше для лечения сердечных ран?

Да! Виктор... Это был удар. Она ведь его почти полюбила. Немного сукин сын, немного эрудит, гений, а сколько в нем энергии! Хватило вот даже на эту стерву, которая, возможно, перед тем как схватить его за мошонку, написала в ее бассейн! Черт!

Зато Захар слишком уж положительный. Не злится. Не орет. Не ругается.

Но она пока еще дрожит, когда он прикасается к ней, и все внутри сжимается, когда они становятся «плотью единой», и много всего – жар, и истома, и желание покусать его от чувств, съесть...

Он такой гладенький, бархатистый, горячий – в прямом смысле слова горячий, как будто у него температура сорок. И он проходу ей не дает – жеребец, честное слово, а это Даша уважает: ей нравится много секса, больше, чем нужно, чтобы уже потом все саднило, и все равно – еще, еще, потому что невозможно контролировать чувства...

– Я люблю тебя... – пробормотал Захар, вцепившись ей в волосы.

– И я тебя люблю, – сказала Даша, глядя ему в глаза.

Она любит его. Разве можно не любить человека после такого секса?

– Пусти, я в душ, – улыбнулась она.

– Не могу.

– Ну уж как-нибудь, – Даша выскользнула из-под него и встала с кровати. – Дай сигарету.

Захар бросил в нее сигаретой, но та упала на пол. Даша подняла.

– Зажигалку, – попросила она.

Захар уже нарочно швырнул зажигалку на пол. Даша нагнулась, подобрала и поинтересовалась:

– Что с руками произошло?

– Ничего! – ухмыльнулся тот. – Просто нравится вид сзади.

– Похотливый самец! – притворно возмутилась Даша.

– Да-да! Это я! – обрадовался Захар.

В пять утра ей захотелось домой.

– Я поеду, – сообщила она.

– Зачем? – Он, казалось, обиделся.

Или расстроился.

– Не знаю, – Даша пожала плечами. – Хочу домой. В свою постель. Тебе же утром на работу, а я собираюсь выспаться.

– Да-а... – согласился Захар. – Везет тебе.

– Приедешь ко мне вечером?

– Обязательно.

Она его поцеловала, а подлый Захар схватил ее и затащил в постель.

– Я не могу! – сопротивлялась Даша. – У меня такси! Я одета!

– Это ничего... – утешал «похотливый самец». – Я осторожно...

Даша вышла от него совершенно очумевшая, с ощущением, что сексом она уже никогда не будет заниматься – ибо нечем, все убито, она теперь инвалид, открыла в машине окно и вдыхала особенный утренний воздух, в котором даже запах бензина кажется приятным. Воздух, который трепещет от собственной свежести и чистоты, воздух, наполненный птичьими трелями, жужжанием поливальных машин и солнечными лучами.

– Что за срань господня?! – заорала Даша и запустила в Оксану подушкой.

– Пора вставать, – твердо произнесла Оксана.

– Вставать?!

Даша задыхалась от ярости. О'кей, после такого припадка злости она уже не заснет, но идти на поводу у взбесившейся суки, которая разбудила ее ни свет ни заря?!

– Какого черта «пора вставать», если я легла три часа назад?! А? Ты в своем уме?! – Даша выскочила из постели и стояла перед Оксаной голая.

Наверное, это был очередной способ ее унижить. Или она просто хотела показать, что Оксана так же беспардонно вторглась в ее интимную зону – сон?

– Сегодня съемки у Малахова в одиннадцать! – Оксана неожиданно тоже заорала. – Забыла? Я тебя двадцать раз предупреждала! Не надо делать из меня дуру!

И Даша неожиданно успокоилась. Конечно, она еще долго ворчала: «Твою мать!.. Это какое-то гребаное дерьмо... Малахов! Зачем мне это нужно?! Садизм, изощренный садизм – будить людей в такую рань!», но на Оксане больше не срывалась.

Всего пару раз рывкнула водителю:

– Валер, ты что там, заснул? Почему мы уже два часа тащимся в правом ряду за сраной маршруткой?

– Валер, а тебе не кажется, что на скорости триста километров в час ты несколько рискуешь моим здоровьем, если твое тебя не слишком беспокоит?

Оксана догадывалась, но не хотела себе в этом признаться: Даша доводит людей не просто так – из любви к искусству. Нет. Она добивается определенных целей. Ей нравится, когда вокруг все кричат, размахивают руками, ссорятся, мирятся, спорят. Она органически не выносит нормальных отношений.

Ей нравится агрессия. Чувства напоказ. Ходить по острию. Может, валиум ей в чай подмешивать?

Ну и если честно, у нее классная фигура. Идеальная. Несмотря на целлюлит, который уничтожает массажистка.

А вот Оксана последний раз была в спортзале... гм... в прошлом году? Конечно, летом она много плавает, время от времени катается на велосипеде, но... Возможно, она уже созрела для поддерживающих формы трусов. Ужас. Как люди выдерживают эти сатанинские пляски с гантелями? Это же адовы муки!

Наверное, Дашу есть за что уважать. Если только она за успех не продала душу дьяволу.

А если и продала, то заключила чертовски выгодный контракт.

Чего ей, Оксане, не хватает?

Ну, может, всего хватает – просто у нее свой путь. В никуда, ха-ха.

– Оксан, давай откажемся от этих шоу, они меня бесят! – заявила Даша, зевая и прикрывая рот ладошкой.

– Вчера ко мне Герцовский подкатывал. По твою душу, – Оксана неожиданно вспомнила о Виталии из вражеского издательства.

– Да ну? – подпрыгнула Даша. – Чего хотел?

– Твою новую книгу.

– Обалдеть! А переспать со мной он не хочет?!

– Возможно. Я спрошу.

– Ты знаешь, что Тарантино отказывается работать с кем-либо, кроме «Мирамакса», потому что они первые взяли его «Бешенных псов»? – спросила Даша. – Я его понимаю. Верность – большое дело.

– Это ты говоришь? – хихикнула Оксана.

И тут же поняла, что это был промах.

– В смысле? – нахмурилась Даша.

– Ну, я имела в виду мужчин...

– А мужчинам я тоже храню верность, это они мне изменяют, – холодно пояснила Даша. – А уж в делах порядочность – первое правило.

– Даже если тебе завтра предложат миллион?

– Не предложат – это во-первых, а во-вторых, миллион просто так не предлагают: значит, чего-то за эти деньги я лишусь. Я и так хорошо зарабатываю.

По дороге в «Останкино» Даша становилась все более мрачной.

Она не любила телевидение. Суэта, ажиотаж, надуманные сенсации, массовый психоз – так она это видела.

– Только не коричневые! – одернула Даша гримершу, которая собралась было разукрасить ее в шоколадные тона.

– По-моему, это ваш цвет, – настаивала гримерша.

– Дело в том, что я точно уверена: это не мой цвет! – отрезала Даша. – С коричневыми тенями я выгляжу как после воспаления легких! И не надо со мной спорить!

Гримерша взглянула на Оксану. Та пожала плечами.

– Я все вижу! – заявила Даша. – Используйте серо-голубую гамму, и будет вам счастье.

Минут через двадцать Даша отправилась в павильон, а Оксана получила очень хороший звонок.

– Оксана, привет, это Захар, – донеслось из трубки. – Можешь говорить? У меня весьма деликатное дело. Какой у Даши размер одежды?

Захар хотел купить Даше подарок. Но был не уверен. И Оксана (дура-дура-дура!) даже не предложила – о нет! – навязалась ему помочь. Хотя ее просто спросили о размере.

Зато у нее будет возможность поговорить с ним пару часов. Глупо? А кто же спорит?

С записи Даша отчего-то вернулась веселенькая, под ручку с Ромой Зверем, хихикая и кокетничая.

Впрочем, флирт она обычно сводила к выразительным взглядам, которые можно было трактовать однозначно: «Я тебя хочу! Прямо сейчас!»

Как это увязывалось с тем, что Даша никогда не ложилась в кровать на первом свидании, Оксана до сих пор не поняла.

– Мне нужно отъехать на пару часов, – сказала она.

– Хорошо, – кивнула Даша. – Мы пообедаем в «Твин Пикс», так что звони, когда освободишься. Валера тебя отвезет.

Оксана действительно была ей благодарна. Даша ведь могла не то что не предположить, а даже и отказать, если бы помощница попросила у нее водителя. Кто она такая? Доедет на такси! Но нет – она сама позаботилась.

Странная она.

Захар ждал Оксану у входа в ЦУМ. Курил. Одет был в черную рубашку с закатанными рукавами и черные джинсы, но выглядел при этом не так, как любит Даша – грубовато, а очень по-среднеамерикански, рутинно.

Правда, такому красавчику нет необходимости разряжаться в пух и прах. Короткая стрижка привлекала взгляд к идеальному черепу. Рубашка подчеркивала крепкие руки. А уж про джинсы лучше все и не упоминать. Девушки на него заглядывались. И дело было даже не в идеальных пропорциях, а в том, что Захар обладал редкой сейчас особенностью – он пробуждал желание.

Ладно, это не ее идея.

Это на днях Даша заявила.

– Нас лишили секса, – сообщила она. Вообще-то Даша зашла спросить, как там дела с «Космо», но, видимо, по дороге ее осенило. – Секс стал чем-то вроде мармеладных мишек: вкусно, но не очень вписывается в мою новую фитнес-программу. Посмотри, как много красивых мужиков, но все они то ли геи, то ли роботы. Нет в них того, ради чего можно бросить все на свете и послать ему свои трусы в бандероли. Вот тебя кто последний раз поражал до глубины души?

Оксана задумалась.

– Бред Питт? – неуверенно предположила она.

– Ну, он еще туда-сюда, но вот такого, чтобы огонь внутри – этого нет. Последний раз это было со мной... гм... в тринадцать лет. Билли Айدل. Да. Ну, Джимми Моррисон, Мик Джаггер, и все, пожалуй. Ну, еще Титомир, ха-ха! Где секс? Нет больше в воздухе электричества! Я не понимаю, это что, как-то связано с глобальным потеплением? Что происходит?

Ну да. Оксана и по себе замечала – если в былые времена и фильмы (да хоть «Основной инстинкт»), и книги (Генри Миллер, «Сексус») бередили воображение, то сейчас самой сексуальной сценой можно смело считать обнаружение голого тела старенького профессора в «Коде Да Винчи».

А вот Захар был до неприличия сексуален. Какая-то девица подошла к нему, попросила зажигалку. О-о... Как он улыбается! И смотрит!.. Смотрит так, будто она одна для него в целом мире!..

У девицы, наверное, по ногам потекло.

Оксана чуть было на полном серьезе не рванула в ближайший мазегин купить что-нибудь неприхотливое, но сексуальное (на всю зарплату), так как на ней сегодня были черные брюки – не в обличку, а широкие такие, спасибо что не спортивные, штаны и заурядный серый топ. Очень изысканно.

– Привет! – заявила о себе Оксана.

– Привет, – теперь он и ей улыбался. – Ты голодная?

– Немного, – сказала она, хотя вряд ли сейчас кусок полезет в горло. Можно заказать суп – с этим-то она справится. – А тебе не надо на работу?

– Все в порядке. – Он прищурился, отчего у Оксаны взмокли ладони. – Давай пообедаем, а то я умру с голоду.

И они пошли в «Елки-палки».

Оксана, конечно, хотела, чтобы он пригласил ее в какое-нибудь элегантное кафе, но Захар так жадно набросился на еду, что она успокоилась – он не жадничал, просто хотел быстро перекусить.

Оксана же ковыряла свой суп, не в силах проглотить ни кусочка. С ней что-то случилось. Затаив дыхание, она смотрела, как он ест, – и этот несложный обряд казался ей таинством. Он живой! Он существует!

Она попробовала посмеяться над собой, внести немного юмора в собственные рассуждения, но не смогла – ей хотелось просто смотреть на него, и плевать на предрассудки! Видимо, она все-таки не взрослый, зрелый человек, а глупая девчонка, которая рядом с сексуальным красавчиком превращается в беспомощную медузу.

– Спасибо, что приехала, хоть мне и неловко: я оторвал тебя от дел, – произнес Захар, проглотив кусок котлеты. Судя по выражению его лица, неловко ему не было.

– Я не просто приехала – я тебя от смерти спасаю, – усмехнулась Оксана. – Я ведь уже видела, что происходит, если Даша получает в подарок какую-нибудь муру.

– Ну, спасибо за «муру»! – хмыкнул Захар. – Ты же еще ничего не знаешь!

– Я знаю одно: если Даше не понравится цвет, размер или форма, нам всем настанет кабздец, – закивала для пущей убедительности Оксана.

– Ладно, не такая уж она баба-яга! – вспыхнул он.

– Но характер у нее... гм... несдержанный, – уточнила Оксана. – Кто предупрежден, тот вооружен.

– Да ладно, моя бывшая чуть меня не задушила!

– Что?! – Оксана не донесла ко рту ложку супа. – Как это?

– Ну, она много пила и очень ревновала, так что однажды я чуть было не умер во сне. – Захар пожал плечами. – Проснулся, а она меня душит: потом сказала, что всю ночь сидела, смотрела на меня и вдруг перестала себя контролировать.

- Это было... ну... просто так? На ровном месте? – опешила Оксана.
- Что-то ей там показалось... – Захар неопределенно махнул рукой.
- И сколько вы после этого встречались?
- Двадцать минут! – расхохотался он.

Глава 6

К большому сожалению Оксаны, рассиживаться в кафе они не стали. Захар пообедал, расплатился и потащил ее в магазин.

– Вот, – он ткнул пальцем в стеклянную витрину.

Оксана уставилась на потрясающий браслет – глазированный черный пластик, внутри которого запаяна золотая колючая проволока.

Это было красиво. Очень-очень.

– Э-э... – пробормотала Оксана. – Ну-у... Думаю, это ее размер.

Захар рассмеялся и потрепал ее по плечу.

– Тут все ясно! – воскликнул он. – Просто я хотел тебе показать. Нравится?

– Потрясающе.

– Тогда давай я сейчас расплачусь, а потом пойдем смотреть джинсы, хорошо?

Ему упаковали браслет (Оксана заметила, что у Захара есть тридцатипроцентная скидочная карта – где он ее заполучил?), и он отвел ее на этаж молодежной одежды.

– Ну как?

Оксана медлила. Он что, влюблен в Дашу?

Это же надо так угадать!.. Черные, вроде как слегка выцветшие, чуть расклешенные джинсы, с потрясающей, тоже черной, вышивкой от заднего кармана до колена – дракон в несколько старомодном стиле.

Аксенова будет в восторге.

– Какой размер нам нужен? – спросил Захар.

«Нам»?! Вот уж нет! Лично ей не нужен никакой размер, так как делать Дашу счастливой – не ее забота! Ее забота всего лишь не злить (о, Захар, прости, но ты ошибся!) эту бабу-ягу!

– Ну, сорок два – сорок четыре, но вообще-то размер у нас одинаковый, так что я могу померить.

– Валяй! – обрадовался он.

Они были великолепны... Даже на ее немного ватной заднице джинсы сидели так, словно Оксана сплошь состояла из литых мышц. Попка – ягодка, длинные стройные ноги... Ух ты!

– Вот... – Оксана вышла из примерочной, и ею тут же овладела безумная надежда: а вдруг Захар сейчас лишится чувств от ее красоты и купит эти штаны ей?

Она ведь посмотрела на ценник. Одиннадцать тысяч. За джинсы. И еще восемь за браслет. Ни много ни мало – скромный дар, девятнадцать тысяч минус тридцать процентов.

Да никогда она не купит джинсы за такие деньги! Это же аморально! За какие-то куски парусины!

– Супер! – оценил Захар. – Берем!

Хорошо быть Дашей Аксеновой. Что ей, Оксане, подарил на день рождения кавалер? Духи «Ланвин», пятьдесят миллилитров, это где-то тысяча рублей, розочку (стольник?), маечку с надписью «СВОБОДУ ОЛИГАРХАМ!» – в сети шестьсот рублей.

Конечно, «кто же считает?», но все-таки быть известной писательницей – очень и очень приятно. И выгодно. И роскошно. Вот Ксении Собчак, если верить слухам, анонимный поклонник подарил кольцо в четыре карата от «Графф», а Оксане в лучшем случае подсовывают предложения на скидку в «Мир кожи и меха». В почтовый ящик. Равно как и всем жителям района.

Она чуть не заплакала. Она дура? Бездарь? Урод? Тупица? Клуша?

Да?

Почему другие живут полной жизнью, выбирают среди лучших яхт мира – на которой отдохнуть летом? – веселятся на промовечеринках «Баккарди» где-нибудь в Греции, живут в пятизвездочных отелях, знакомятся в Каннах с Вентвортом Миллером или там Джорджем

Клуни, а она, Оксана, ездит на старом «Гольфе», работает на психопатку и мечтает оторвать болт от джинсов самого красивого парня на свете, которого эта психопатка считает не больше чем сексуальным животным, и спать с этим болтом под подушкой!

– Оксан, это тебе, – произнес где-то за спиной Захар.

Он протянул ей пакет, в котором она обнаружила потрясающее кольцо от «Джуси Кутюр» – толстые звенья позолоченной цепи перемежались с пластмассовыми, прозрачно-коричневыми, и все это украшал такой же коричневый кулон в виде пухлого сердечка с золотым логотипом фирмы. Очень красиво. И неожиданно. И так мило...

– Как красиво... – пробормотала Оксана. – Спасибо большое, не стоило...

Захар поднял руки вверх ладонями.

– Стоп! Я рад, что тебе нравится, и больше ничего не хочу слышать!

Наверное, если бы на ее месте была Даша, она бы уже бросилась дарителю на шею, а через пару секунд целовалась бы взасос – исключительно в виде благодарности и из-за переполняющих ее чувств. Но Оксана в отличие от Аксеновой боялась показаться... неловкой. Нелепой. Навязчивой.

Захар сам обнял ее, похлопал по спине. По-дружески.

По телу побежали мурашки. У него был «сексапил» – сексуальное обаяние, причем в таких масштабах, что он бы мог им торговать, как виагрой, только для женщин, лечить от фригидности прикосновением...

И пах он чем-то горьким и свежим – это был не заурядный мужской запах вроде «Босс» или «Келвин Кляйн», а нечто особенное, будто естественное.

На Петровке они распрощались, и Оксана еще какое-то время озиралась ему вслед.

Хотелось любить весь мир.

И это было ужасно. Она влюбилась.

Чудовищная ошибка. Глупая платоническая любовь, которой вроде не существует. Но она была счастлива, так как состояние влюбленности чудесно само по себе. А тем более такой наивной, идеализированной влюбленности в человека, которого придумала сама, который как бы не существует, так как ты ничего о нем не знаешь – ну, кроме того, что он принадлежит другой женщине.

Оксане было и хорошо, и плохо одновременно.

Она страдала от неразделенных чувств, но радовалась и тому, что способна на такие переживания – в чем давно сомневалась.

Ощущение детской, безнадежной, абстрактной влюбленности приятно волновало взрослую, рассудительную Оксану, которая научилась отказывать себе в том, что может причинить ей боль и страдания.

Чем больше сегодня наслаждений, тем горше будут последствия – это она давно уяснила. Сегодня – бутылка текилы, завтра – похмелье, лет через десять – цирроз.

Так?

А если мужчины и текила – это не совсем одно и то же? А если мужчины стоят того, чтобы из-за них умереть счастливой, а не здоровой и несчастной?

Вопрос: это все нужно для размножения или есть тут искра божья?

Оксана витала в облаках, пока не уперлась в стройку и не поняла, что идет неизвестно куда.

У нее появилась цель. Не Захар. Хотя может быть, но...

Она вдруг распахнула глаза и заметила прелесть окружающего мира. Мира, в котором ей хотелось быть бабочкой, а не молью. Мира, которому она могла бы представить свою собственную книгу. Свою душу. Это было озарение. Она знала, о чем писать. Как писать. Для и ради кого...

– Оксан, я тебя жду уже полчаса! – укорила ее Даша.

Рому Зверя сменила Маша Царева, писательница.

Писательниц Аксенова не любила. Но с некоторыми поддерживала приятельские отношения – чтобы быть в курсе событий.

Даша искренне думала, что она выше соперничества, так что с коллегами была мила – правда, считала их всех либо выдрами, либо клушами. Исключением были разве что Царева и Робски, которой Даша симпатизировала не как автору, а скорее как деловой женщине.

Оксана поняла за то недолгое время, что работала у Аксеновой: писательницы любят друг друга так же, как «Пепси-Кола» «Кока-Колу». Им ничего не оставалось, как приветливо отзываться о коллегах, но в душе они все друг друга ненавидели и искреннее радовались чужим неудачам.

Даша было проще – она никого не считала равным себе. Поэтому не ревновала к чужому успеху.

Но дружить с кем-либо она не то чтобы не любила – она просто не умела привязываться, не способна была заботиться о другом человеке.

– Хочу собаку! – заявила Даша.

– Собаку? – переспросила Оксана.

– Ну, мы тут с Машей обсуждали... В общем, она хочет тойтерьера, а я – ротвейлера.

– Ротвейлера? – ахнула Оксана.

– А что?!

– Ну, они злые...

– Сама ты злая! – отмахнулась Даша. – Отдам в школу, будет как шелковый.

Ротвейлер! А гулять с ним кто будет? Оксана?

Хорошо жить, осознавая, что есть люди, которые могут сделать что-то за тебя. Выбрать джинсы нужного размера. Послать к чертовой бабушке редакцию «Без комплексов». Погулять с собакой. Присмотреть за ребенком.

– Даш, а ты не боишься выдохнуться? В смысле книг? – поинтересовалась Оксана в машине.

– Да плевать! – отмахнулась та. – Лет через пять у меня будет столько денег, что я смогу заняться чем угодно. Открою хоть салон красоты. К тому же я всегда могу писать сценарии. Ты же понимаешь, я мало трачу. Всегда кто-то угощает, вот полгода назад я встретила в Италии одного поклонника, так он мне в Милане купил шмоток на тридцать тысяч евро. Тряпки, обувь, украшения. Я ведь жадная, Оксан. Никогда не упущу случая пожить за чужой счет! – И она улыбнулась.

Широко, честно, простодушно.

Подкупающая улыбка.

– О боже мой! – кричала Даша, подпрыгивая и время от времени закрывая глаза руками. – Как круто, мать твою!

Браслет она нацепила тут же, расстегнула было ширинку на брюках, но огляделась, одумалась, выбежала в другую комнату, а вернулась уже в обновке – раскрасивых джинсах за одиннадцать тысяч.

– Я тебя обожаю! – воскликнула она и запрыгнула на Захара.

Оксана совершенно точно не была ханжой. Но вот именно сейчас ее вывела из себя эта демонстрация чувств.

Та-ак! Если она что-то с собой не сделает, то свихнется, глядя на любовные игрища Даши с Захаром.

– Захарчик, а пойдем сегодня в мир? – воодушевилась Даша.

– Ну-у... – Захар нахмурился. – Я не думал... Вообще-то я надеялся поплавать, поужинать и посмотреть кино. С тобой.

– А как же мои новые джинсы? – Даша расстроилась. – Мне же нужно вывести их в люди!
– Э-э-э... – мялся Захар.

Даша поникла.

– Ладно, только я окунусь в бассейн! – согласился он без особого энтузиазма.

– Ура! – Даша подпрыгнула. – Я с тобой! Купальник надену... – И она умчалась наверх.

За полночь Оксана курила на улице, в шезлонге, когда услышала шум подъезжающей машины. Приветствовать никого не хотелось – рабочее время закончилось. Она и так частенько жалела, что согласилась здесь жить, но, с другой стороны, сейчас лето и она за городом, а во-вторых, мотаться каждый день в Москву и обратно хотелось меньше всего на свете. Ничего, в сентябре они вернутся в город. Хотя собственная квартира вдруг показалась Оксане убогой – у Даши есть вкус, этого не отнять, и ее дом был красивым, уютным, изысканным. Гнездо. Убежище.

В гостиной слышались голоса.

– Не надо было ехать, если не хочется! – возмущалась Даша. – Я бы и сама справилась!

– Даша... – начал было Захар, но та его перебила:

– Захар, запомни: меня раздражает, когда кто-либо живет с таким лицом, словно его заставляют нюхать какашки! Не хотел на вечеринку – так бы и сказал, и не надо было портить мне настроение!

– Даша...

– Ну что, что «Даша»?! Меня это бесит! Я что, волокла тебя? Остался бы здесь, посмотрел кино, трахнул бы Оксану...

Оксана подскочила на шезлонге и выронила сигарету.

– Что ты несешь?! – расхохотался Захар.

– Да какая разница?! – Даша, кажется, уже топала ногами. – Никогда так больше не делай! Пожалуйста! Ненавижу лицемерие!

– Ну, так уж и лицемерие, – нежно укорил ее Захар. – Даш, сбавь обороты. Все хорошо...

Но он пока не знал, что на Аксенову всякие там увещевания действуют как кокаин – ей еще больше хотелось поругаться, а не успокоиться.

– Да ну на хрен! – воскликнула она и хлопнула дверью.

Оксана поспешно отползла подальше – чтобы никому и в голову не пришло, будто она могла подслушивать. Даже случайно.

Через окно пробралась к себе в спальню и сидела, страхась включить свет, пока не вздрогнула, испугавшись пронзительного сигнала – на телефон пришло сообщение.

«Спишь?» – интересовалась Даша.

«Да!!!» – ответила Оксана. «Хороший был бы вопрос, если бы я спала».

«Я зайду?»

Оксана поспешно запихнула одежду в шкаф. Конечно, Даша ее за беспорядок не отругает, но это привычка: раз гости – уборка.

Даша заявила через пару минут. В черных трикотажных шортах и майке с символом «Роллинг Стоунз» – губы с языком.

– Поругалась с Захаром! – заявила она, села на подоконник и закурила сигарету. – Приехали, а он ходит по стеночке с таким видом, словно весь день разгружал пианино, с прямо-таки мученическим выражением лица! Там так весело было! Мы час потусовались, а он уже: «Не хочешь домой?» Черт! Ненавижу такие обломы!

– Ну ладно, Даш, он тебе такие штуки подарил, старался... – уговаривала Оксана, мысленно ругая себя за то, что делает.

Пусть, пусть они прямо сейчас разругаются! У нее ведь есть телефон Захара!

– По-моему, он ведет себя как самый настоящий зануда! – сердчала Даша. – Это недопустимо!

– Даш, может, он всю ночь, чтобы сделать тебе подарок, подрабатывал в «Красной шапке», устал, а ты к нему цепляешься!

– Ха-ха! Может! – Даша прошла в ванную и бросила сигарету в унитаз. – Но в таком случае что-то он не слишком расщедрился – я бы на месте женщин закидывала его золотыми «Визами»! Он ведь хорош?

– Хорош! – подтвердила Оксана. – А он где?

– Дуется где-то на улице, – Даша пожала плечами. – Пойду поищу.

Спустя некоторое время Оксана сделала нечто ужасное. Отвратительное.

Заперла дверь, включила воду в душе – для конспирации – и вылезла из окна.

Они были в бассейне. Голые. Счастливые.

Даша умела мириться. С помощью секса, обаяния и тонкой иронии.

Она вроде не была мстительной. По крайней мере, Оксана на это уповала. Иначе ей несдобровать.

Глава 7

– Не понимаю! – орала Даша.

Оксана уже стерпелась с воплями – так житель Садового кольца привыкает к шуму.

Но сейчас, кажется, происходит нечто особенное. Два часа дня. Жаркий летний день. Книгу Даша позавчера сдала, получила свои деньги, всем сделала подарки.

Что на этот раз?

– Захар, ты понимаешь, что это идиотизм в цвете?! Нет, это хуже – это какая-то, мать твою, деревенская застенчивость, б. ь!

Она что, уговаривает его пойти в свинг-клуб?

Хотя вряд ли.

Своим парнем Даша делиться ни с кем не будет. А жаль!

То, что говорил Захар, если Даша его еще не убила, слышно не было.

– Я в бешенстве, ясно?! – доносились крики. – Просто не будь сейчас здесь, потому что ты меня выводишь из себя! Это свинство, настоящее свинство!

Захар вылетел из комнаты, в прихожей врезался в Оксану, буркнул «извини» и хлопнул дверью.

Вслед за ним появилась дрожащая от ярости Даша.

– Накрылась съемка в «Космо», – известила она.

Некоторое время Оксана молча смотрела на нее.

– Как? – прохрипела она наконец.

Это кошмар!

Только вчера Оксане позвонила редактор журнала и сообщила – заметьте, таким тоном, словно делает величайшее одолжение, – что они приняли решение взять интервью у Даши и ее бойфренда и сделать откровенную фотосессию. Даша месяц не вылезала из спортзала, месяц ее каждый день истязала массажистка – и это все ради того, чтобы позвонить в «Космо» и про-блеять: «Извините, у нас форс-мажор, мы вынуждены отклонить ваше чрезвычайно любезное предложение»?..

Черт!

– Захар отказался. – Даша скрестила руки на груди. – Придурок!

– Отказался?.. Но почему? – Оксана первый раз по-настоящему возненавидела его.

– Потому что он не может сниматься без трусов! – заорала Даша. – Он, наверное, перепутал «Космо» с «Хастлером» – решил, что там всех интересует его член! Оксан, это же ведь само собой разумеется, что в «Космо» не может быть никаких членов, правда? Нормальный человек ведь не мог об этом и помыслить?!

– А ты ему об этом сказала? – осторожно поинтересовалась Оксана.

– Сказала?! Сказала ли я?! Ха-ха-ха! А как ты сама думаешь? Я даже орать не сразу начала! Просто Захар – тупой, ограниченный зануда, мещанин! И урод! Зачем я с ним связалась?!

– Ну... – Оксана пожала плечами. – Может, пригласить кого-то еще?

– Ага! – кивнула Даша. – Витю! Объект, б...ь, девичьей мечты! Пьяный, помятый наркоман!

– Ну... – Оксана не сдержала усмешку. – Он же кумир...

– Кумир?! Чей кумир? Уж точно не «девушек в стиле „Космо“! Так... Пойдем!

И Даша прошла в свой кабинет, представляющий собой комнату в тридцать метров, оформленную в готическом стиле. Темного дерева книжные шкафы, такой же стол, обтянутый красным сукном, тяжелые бархатные шторы, люстра, похожая на кельтский орнамент.

Даша плюхнулась в кресло.

– Я не могу его заменить, – сообщила она. – Можно нанять манекенщика, но это будет обман, во-первых, а во-вторых, я не хочу обнимать и целовать неизвестно кого. Но это полбеды – дело в том, ты же понимаешь, что модели – они слегка отмороженные, в них секса не больше, чем в стакане кефира, а Захар... Все бы только и думали: хочу такого парня! Оксан!

– Да? – отозвалась помощница.

– Сделай что-нибудь, а?

– Что?

– Ты понимаешь, я не могу с ним сейчас разговаривать! – призналась Даша. – Я его задушу! Не ожидала такой подставы!

– Ну... А как я буду с ним разговаривать?

– Минутку... – Даша нашла телефон. – Включи комп...

Спустя пять минут она сказала:

– Вот, он уже на Ярославке...

– Ты что, следишь за ним? – ужаснулась Оксана.

– Не в этом дело! – воскликнула Даша. – Меня научили этой штуке, а за кем же мне еще шпионить? Не за тобой же? Мне просто понравилось, я бы бросила это занятие уже завтра, но ты подумай, как прикольно – можно по сотовому выследить, где находится человек! Это же круто! Шпионские страсти-мордасти! И ты видишь – не зря я это сделала, пригодилось! Задницей, наверное, чувствовала... Мы через час еще поглядим, и если он будет дома, поедешь к нему, скажешь, что стоишь у подъезда, – и ему придется тебя впустить. Понимаешь?

Оксана понимала. Еще как! Поехать к Захару домой. Поговорить. Пожалеть. Убедить его... о-о-о!.. сниматься голым. Почти голым. Ха-ха!

– Даш, а ничего, что я буду посредником между вами? Все-таки это личные дела...

– Уже нет, – Даша покачала головой. – Сейчас это только работа. И я могу хорошенько нам всем нагадить, если возмусь мириться. Нужен дипломат. Ты.

Для приличия Оксана еще какое-то время кусала губы, стучала пальцами по ручке кресла, но Даше все это быстро надоело, она вызвала водителя и отправила помощницу на Кутузовский.

Сердечко Оксаны трепетало. Она. Окажется. У него. В квартире.

Ух ты!

А в квартирах происходит всякое. Там даже есть кровати. И диваны. И прочие места, где не очень зажатые люди отдаются порыву чувств!

О чем это она?..

Все равно, все равно! Фантазировать законом не запрещается! Она же... почти писательница, так?.. А как себя ведут писательницы? Если судить по Даше – как портовые шлюхи...

– Он дома! – торжественно провозгласила Даша, когда Оксана с Валерой проезжали Новый Арбат.

У Оксаны вспотели ладони. Боже... Можно ли возжелать женщину с мокрыми ладонями?

Ладно, ладно! Она в своем уме, спокойна и думает лишь о том, как бы ее не уволили.

– Приехали, – сказал Валера.

Оксана достала мобильный, уставилась на него, но не смогла придумать ничего такого, что звучало бы убедительно.

Стала бы Даша ему звонить?

Вот! Докатилась!

С чего это она принялась равняться на Дашу?

Ответ, правда, был очевиден.

Даша не ведала сомнений.

Она делала то, что хотела, с разумной толикой логики и ни разу не спросила себя: а стоит ли пытаться?

Конечно, Даша не была сумасшедшей и понимала, что может облажаться, но это ее не пугало – она верила в себя так, что можно было только обзавидоваться и умереть.

Оксана же каждый свой шаг подвергала жестокой критике, переживала, взвешивала...

Даша тоже переживала. Либо до, либо после. Перед тем как сесть за книгу, она недели две была мрачная, злая, отлеживалась в гамаке, перечитывала классику и бормотала, что не имело смысла и начинать, если понимаешь, кто ты есть в сравнении с Чеховым.

Отослав в издательство очередной роман, Даша даже могла разрыдаться – ей казалось, что вместо акта о сдаче/приемке она подписала признание в собственной несостоятельности: могла ведь лучше, увлекательнее, и герои могли бы получиться не такими картонными, и развязку затянула...

Но во время работы Даша превращалась в киборга – она делала свое дело с пунктуальностью бомбы с часовым механизмом, была весела, возбуждена, довольна и отказывалась прислушиваться к чужому мнению.

– Если уж ты в это ввязалась, нельзя оглядываться назад. Можно испугаться до усрачки – но только на пару минут, не больше, – говорила она Оксане.

И Оксана пошла. Долой телефоны! Настоящие женщины звонят прямо в дверь!

Уф-ф! А если он моется и она застигнет его в полотенце? Р-р-р...

Захар распахнул дверь и вытаращил глаза.

– Привет, – поздоровалась Оксана. – Можно войти?

Никакого полотенца. Зато без майки. Такой немного потный. Даже не потный, а влажный – ангелы не потеют, ха-ха-ха.

Он посторонился, и Оксана прошла в квартиру.

Хорошая квартира.

– Вот это да! – воскликнула она, очутившись на кухне.

Здоровенной плите было не меньше пятидесяти лет! Антиквариат!

– О боже! – восторгалась Оксана. – Она как новая! И красная!

– Ну, считай, она новая, – улыбнулся Захар. – По крайней мере, за эти деньги можно было купить пять новых, это точно. Мне ее перекрашивали в автосервисе, представляешь?

– Ничего себе, ты зарубаешься... – Оксана исследовала духовку.

– Я когда ее увидел, понял – мы с ней созданы друг для друга.

Интересно, с Дашей у него было то же самое?

– Оксан, тебя что, попросили доставить мои вещи? Или сказать, что они сожжены?

– Что? – Оксана резко выпрямилась. – Какие вещи?

– Ну те, что у Даши.

– Ты о чем? – Она села за стол и сложила руки, как примерная школьница.

– Ладно! – отмахнулся он. – Ты же здесь в качестве парламентаря?

– Тебя это удивляет? – Оксана не удержалась от сарказма.

– Меня в Даше все удивляет. – Он встал, взял с плиты чайник и повернулся лицом к раковине, к Оксане – спиной.

И какой спиной! Красивые лопатки, желобок посредине, джинсы сидят ниже чем следует, обнажая поджарые ягодички... М-м-м...

– По-моему, это неправильно, посылать ко мне тебя, – заявил он, включая конфорку.

Как же ей хотелось поощрить его желание обсудить Дашу – а точнее, ее дурной характер! Но тогда она превратится не только в сплетницу, но и в типичную бабу-дуру, которую, может, и трахнут ради мести, но это не будет ничего значить. Хотя... Это тоже вариант.

– Оксан, подожди две минуты, я быстро в душ, ладно?

И он ушел. Оксана же прогулялась по квартире. Большая гостиная, почти пустая – низкий широкий диван, кожаное кресло, телевизор, картина, плакат с Хэмфри Богартом, шторы и подушки на полу. В спальне кровать и ковер.

Коридоры заставлены книжными полками. В чулане – гардероб. Все так по-мужски, без излишеств, разумно.

– Оксана! – окликнул Захар. – Ты где?

– Здесь! – отозвалась она из гостиной.

– Тебе чай с сахаром?

Спустя минуту он принес чашки, поставил их на низкий столик, лег на диван и закинул руки за голову. На нем были рубашка, кое-где облепившая влажное тело, и штаны в спортивном стиле. Воображение Оксаны заработало со скоростью космического «Шаттла».

Он осознает, насколько хорош?!!

– Захар, я не очень поняла, в чем суть конфликта, – с деловыми нотками произнесла Оксана.

– Суть в том, что я не готов сниматься для женского журнала в качестве бойфренда Дарьи Аксеновой. Мужское эго, врубаешься?

– Неужели? – оскалилась Оксана.

– А что, не веришь?

– Звучит неправдоподобно, – усомнилась она.

Это был ее коронный номер – в кульминационной точке, после которой люди перестают друг друга понимать, она как бы сдавалась, делала шаг назад и становилась твоим другом.

– С самого начала мне не нравилась эта затея, – призналась Оксана. – Я думала, Даша свихнулась! Но! Послушай меня! Как ни странно, но все, что она сочиняет, превращается в золото. Я понимаю, это нужно ей. Но ты же... Надеюсь, ты хорошо к ней относишься. Дело ведь не в мужском эго, так?

– Ну да, – согласился он. – Дело в том, что Даша соизволила рассказать мне об этой затее чуть ли не в день съемок. И ты не забывай, что я все-таки юрист. Не самый успешный, но если меня увидят голым в женском журнале...

– Полуголым! – расхохоталась Оксана. – Все девушки толпой пойдут к тебе на юридическую консультацию! Клянусь!

– Ха-ха! Знаешь, что будет?

– Что?

Захар потянулся, рубашка задралась, обнажив живот.

– Меня вызовет босс, и я уволюсь. Меня уже тошнит от моей работы, так что мне нужен малейший повод, чтобы послать всех к черту!

– Захар, но это чушь...

– Не чушь!

Он прекрасен в гневе... Даша видела его таким?

– Даша – лучшее, что со мной случилось за последние пять лет...

Сука!

– Ты не поймешь...

Он считает ее тупой?!

– Ты ее любишь? – посочувствовала Оксана.

– Не в этом дело. – Он пожал плечами. – Просто... Есть жизнь, в которой я просыпаюсь в половине восьмого, еду на работу, делаю что-то автоматически, жду вечера пятницы, беру кредит, ну... Улавливаешь?

– Допустим.

– А есть Даша. Ну, понимаешь, когда ты читаешь о том, что Шон Пенн бил Мадонну, тебе хочется стать ими обоими, потому что это именно то, что отличает их от людей, у которых каждый новый день похож на следующий.

Что, простите?!

– Рядом с Дашей мне кажется, что где-то рядом кинокамера и я не живу настоящей, скучной жизнью, а играю роль. Компрене ву?

Ясно, секс ради мести ей не светит...

– Понимаю, – она развела руками. – Но это тяжело.

А что она могла еще сказать?

Что богемная Даша похожа на упаковку спичек – вспыхивает и сгорает – и за всеми ее страстями, переживаниями и приступами радости нет глубины? Нет любви, ненависти, сострадания – всего того, что делает нас «ответственными» и «скучными»?

Да, с Дашей весело. Потому что она легкомысленная и безмозглая. Иллюзия легкости бытия.

Оксана никогда бы не смогла это принять. Она была тяжеловесной, да, но зато она не считала, что «после нас – хоть потоп», она видела связь времен, понимала, что «сегодня мы закладываем наше завтра».

Звучит не так уж увлекательно?

– Ну вот тебе и прекрасная возможность переломить ход событий, – вовремя заметила Оксана.

– Я не знаю, моя ли это жизнь. – Захар покачал головой. – Честно? Я боюсь.

Ну что за мужик пошел! Он боится! С ума сойти!

Неожиданно изнутри поднялось презрение и даже брезгливость.

Это и есть идеальный любовник?

Да уж лучше найти кого-нибудь с пузиком, обгрызанными ногтями и волосатыми подмышками, зато рядом с таким будешь ощущать свою половую принадлежность.

Это Даша не понимает, женщина она или мужчина. А вот Оксана точно знает, что такое женственность и мужественность. Мужчина должен быть главным. Не потому, что дубинкой загоняет жену на кухню и раздает подзатыльники детям, а потому, что берет на себя груз принятия решений. Потому что показывает другим самцам – это моя женщина.

Оксана бредила тем, что у Даши вызывало отвращение, – схваткой двоих мужчин из-за нее. Даша была готова расстрелять обоих, так как считала, что решения здесь принимает она, а Оксана с замиранием сердца наблюдала бы за тем, кто окажется сильнее.

Она стремилась к тому, чтобы ее завоевывали. Даша же такого желания была лишена с рождения. Она не хотела становиться жертвой – даже в таком вот утонченном, романтическом смысле.

И ведь она даже не психопатка! Все, что делает Даша, – практично, продуманно!..

Она такая же мещанка, как Оксана, как самый страшный кошмар Захара!

Даша отнюдь не богемная девица, закрутившаяся в вихре чувств, – она все понимает и точно дозирует безумие!

Просчитывает каждый шаг с точки зрения коммерческой выгоды, с этой же позиции оценивает все свои пристрастия, оставляя лишь те, что можно выгодно продать.

Все это, конечно, отнюдь не преступление, но смотреть на нее снизу вверх... Это же всего лишь вопрос грамотной саморекламы!

И что остается в сухом остатке?

Богатая капризная женщина.

Оксане хотелось его ненавидеть! Очень!

Потому что если она его не возненавидит, ей придется... уволиться. Всем придется уволиться – Захару, Оксане...

Но он был прекрасен – даже тупой и слабый.

Ощущает ли Даша переполняющую Оксану нежность?

Желание отдать руку за возможность прикоснуться к нему?

Может, она и живет ради таких ощущений – будь что будет?

После нас хоть потоп, ха...

Это все гормоны. Просто гормоны.

Скоро, видимо, пойдут прыщи.

– Оксан... – Он как-то хитро упал вперед всем торсом (ленивое кошачье движение) и положил ладонь на ее руку. Между кистью и локтем.

Ладонь была горячее, и она уставилась на нее так, словно он расстегнул ширинку и вынул член.

Спокойствие!

– Ты не могла бы... – Он замолчал.

– Что? – Голос сорвался на писк. Даже на ультразвук.

– Ничего. – Он откинулся на стул. – Извини.

Послышался дверной звонок. Наверное, Валера. Телефон Оксана оставила в машине, чтобы ей не мешали.

Захар открыл дверь – Оксана топталась у него за спиной и ломала руки, словно их застигли за чем-то неприличным.

– Привет, – сказала Даша. – Оксан! – Она подошла поближе. – Ты не могла бы нас оставить? Извини, конечно...

Оксана схватила сумку и вылетела из квартиры. Вот сука!

– Э-э-э... – проблеял Валера, когда Оксана пролетела мимо него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.